

А. А.
БЕСТУЖЕВ-
МАРЛИНСКИЙ

Сочинения

Александр Александрович Бестужев- Марлинский Письма из Дагестана

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647315

Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Повести; Рассказы; Очерки; Стихотворения;

Статьи; Письма: Худож. лит.; М.; 1981

Аннотация

«Куда вы больно затейливы, любезные мои приятели: пиши вам и часто и много, описывай всю подноготную, и где, и как, и почему. Да что я вам за Саллюстиус, что за Жомини! Мое дело сказать вам: вот что я видел, вот что мне известно... Но много ли увижу я чрез ствол моей стальной зрительной трубки, много ли узнаю в цепи стрелков на пикете, в секрете? Я могу довольно верно изобразить вам уголок картины, у которой пороховой дым служит горизонтом и рамами, но не спрашивайте у меня целой панорамы, еще менее – планов сражений и походов...»

Содержание

1		4
2		20
	Поход в Дагестан генерал-адъютанта Панкратьева в 1831 году	33

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Письма из Дагестана¹

1

Дербент, 1 сентября 1831 года.

Куда вы больно затейливы, любезные мои приятели: пиши вам и часто и много, описывая всю подноготную, и где, и как, и почему. Да что я вам за Саллюстиус², что за Жомини! Мое дело сказать вам: вот что я видел, вот что мне известно... Но много ли увижу я чрез ствол моей стальной зрительной трубки, много ли узнаю в цепи стрелков на пикете, в секрет-те? Я могу довольно верно изобразить вам уголок картины, у которой пороховой дым служит горизонтом и рамами, но не спрашивайте у меня целой панорамы, еще менее – планов сражений и походов. На это не станет у меня ни средств, ни умения, ни досуга.

---

² Саллюстиус – Саллюстий Гай Крипе (86—35 гг. до н. э.) – римский историк и политический деятель. Его произведения «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война» дошли до нас полностью, главный его труд – «История» – сохранился в отрывках.

Но ведь надобно же и вас потешить; надобно же хоть сколько-нибудь познакомить вас с театром дагестанской войны. Итак, разогните карту Кавказа. Реки Самбур (по-русски Самура) и Койсу (при устье разделяющаяся на рукава Аграхан и Сулак), разбегаясь с хребта, первая на юго-восток, другая на северо-запад, образуют огромный неправильный треугольник, пересеченный параллельно берегу Каспия хребтом Салатав и его продолжением. Верх этого треугольника заселен лезгинскими племенами, известными под общим именем тавлинцев (от тав – гора); трапеция же, омываемая морем, занята кумыками, дженгутайцами, каракай-тахцами, табасаранцами. На самом хребте с юга живут вольные табасаранцы, за ними акушинцы, внутрь гор аварцы, за ними по прямой линии очень близок и Тифлис. Ныне, для управления, к Дагестанскому округу присоединен и Бакинский округ, так что граница Дагестана, то есть страны гор, касается теперь Ширвани. Города Тарки, Дербент, Куба – вот три оси, около которых должны вертеться колеса нашего рассказа... Покатимся.

Помня Ермолова, горские народы не смели подняться на русских и в смутное время 1826 и 1827 годов, когда войска Аббас-Мирзы³ проникли до самой Самуры и все Засамурье поднялось с ними заодно. Этому, правда, способство-

---

³ Аббас-Мирза (1783—1833) – персидский принц, наместник Тавриза и Азербайджана. В 1826 и 1828 гг. участвовал в войнах с Россией. Последняя война закончилась Туркманчайским мирным договором (1828; в заключении его принимал участие А. С. Грибоедов).

вало разное верие. Персияне следуют секте Шаги, а все горцы сунниты⁴, и ненавидят друг друга насмерть. Впоследствии, глядя на удачные разбои своих соседей, чеченцев и черкес, пробудились лезгины, около Кахетии живущие. Постройка крепости Закатал в сердце гор стоила многих трудов и крови. Мало-помалу дух мятежа, грозимого карою, проник и в край давно покоренный, в Дагестан. Появление дерзкого проповедника Кази-муллы⁵ сосредоточило, дало религиозный характер мятежу, хотя настоящие тому причины давно тлелись под пеплом страсти к хищничеству. Стоит сказать слово об этом необыкновенном человеке, занимающем все базары Кавказа вестями о своих делах или замыслах, про которого поют женщины, качая ребенка, и ребята пугают друг друга.

Кази-Мугаммед родом койсубулинец, из селения Упсукуль. Говорят, будто дед его был беглый русский солдат. Ребачество свое провел он в Гимри, в селении, лежащем на южном обрыве Салатава, прямо против Эрпилей. Бедняк, подобно всем своим соотечественникам, возил на осле виноград в шамхальские деревни, для промена его на пшени-

---

⁴ Сунниты – последователи ислама, признающие как Коран, так и Сунну («священные книги» о Магомете).

⁵ Кази-мулла, или Гази-Мугаммед (1795—1832) – мусульманский религиозно-политический деятель, высшее духовное лицо Чечни и Дагестана, предшественник Шамиля. Он призывал к истреблению всех немусульман, к «священной войне» против «неверных». Организовывал походы против русских и тех мусульман, которые не желали бороться с «неверными».

цу. Эта кочующая жизнь дала ему подробное познание местностей, и он мастерски пользуется им против нас. Впоследствии он отдан был учиться грамоте к одному мулле в с. Бирикей (оно лежит при устье Бугама). Мулла этот, заметив в Кази-Мугаммеде необыкновенное прилежание и смекалку, послал его к известному ученостью кадию Мугаммеду, во владение Аслан-хана Казикумыкского. У него-то, изучив арабский язык, натерся он духом мусульманского изуверства и нетерпимости. Скоро, почитая или выдавая себя за вдохновенного свыше, Казн начал проповедовать ненависть и восстание на неверных. Аслан-хану, человеку равно властолюбивому, как далекому фанатизма, не понравилось это хозяйничанье в его владении; он выгнал оттуда с бою и учителя и ученика, говоря, что мусульманам за глаза довольно одного Мугаммеда. Это случилось в 1821 году; с той поры Казн притих, и в нем самом затихли, кажется, надежды на известность. Обстоятельства отрастили им крылья.

В 1830 году западные горцы начали производить свои набеги. Друг перед другом рвались они отличиться; но в Дагестане, в котором Кази-Мугаммед начал уже действовать через письма, воззвания, подговоры и обеты, ничего важного не произошло... Река роптала, вздымалась, но еще не выступила из берегов. Над дагестанцами висел, как туча, сильный корпус, сначала под командою генерал-лейтенанта князя Эристова⁶, потом генерал-лейтенанта барона Розена⁷ 2-

---

⁶ Князь Эристов – генерал-лейтенант, начальник 21-й пехотной дивизии. В мае

го. Только жители Темир-Хан-Шуры, подвластные шамхалу, ушли из домов своих и порой ночью тревожили перестрелкою лагерь, близ деревни их расположенный. Войска сделали только рекогносцировку на Гимринскую гору, ночевали в снегу, любовались на рассеянные в Койсубулинском ущелье деревни; стрелки променяли несколько пуль с сторожевыми горцами; артиллерия для опыта бросила несколько гранат; они все лопнули на воздухе, ибо круть и глубина обрыва делают прямые выстрелы невозможными. Войска возвратились в лагерь к Шуре; осенью 14-я дивизия возвратилась на место, а курипцы и апшеронцы разошлись по своим штаб-квартирам⁸. Зиму все было спокойно: почты ходили очень верно от Кубы до самого Кизляра; путники ездили поодиночке; но с появлением подножного корма, этого элемента наездников, все жители поморья начали уклоняться от своих обязанностей. Там и сям совершались убийства... волнение стало заметнее; наконец Навруз-бек, один из старинных дагестанских наездников, долго бывший дружителем русских и находившийся под следствием за дурное управление вверенных ему деревень, бежал из Дербента с удалыми сыновьями своими, набрал шайку, напал на рассе-

---

1830 г. генерал Паскевич назначил его командующим войсками в Дагестане, а в июле его отозвали в Петербург.

⁷ Барон Розен (Розен Роман (Роберт) Федорович; 1782—1848) – генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г.; был командующим войсками в Грузии и на Кавказе.

⁸ Один батальон Куринского полка зимовал в с. Казанищи, (Примеч. автора.)

янных в лесу косцов Куринского полка и вырезал многих изменнически.

В скором времени поднялись и каракайтахцы, ибо жители многих деревень были участниками сего разбоя. Кази-мулла почти тогда же явился в Дагестане с сильным войском тавлинцев и чеченцев; владения шамхала подпяли оружие.

Трудно себе вообразить, как легко взбунтовать азиатцев! Самые нелепые слухи, самые невероятные надежды, самые несбыточные обеты идут у них за чистое золото. И что мудреного! Люди, для которых нет ни вчера, ни завтра и оттого ни опытности за минувшее, ни расчета на будущее; люди, которые не видят и в настоящем того, что есть и как оно есть, а того менее, как оно быть должно; люди, которым бог дал довольно ума, но обстоятельства не развернули нисколько разума, — очень легко меняют верное на неверное, более любят ружье, чем заступ, и охотнее переносят нужду, чем труд. Правду сказать, азиатцу не много терять. Сакля его без толка; он кроет ее тростником. Половина хлебов и лугов его вытоптана; он продает втридорога остальное — и сыт и прав. Напевая себе боевую песенку, он чистит винтовку в глазах русского постояльца. Притом в каждом азиатце неугасим какой-то инстинкт разрушительности: для него нужнее враг, чем друг, и он повсюду ищет первых. Не то чтоб он ненавидел именно русских; он находит только, что русских выгоднее ему ненавидеть, чем соседа, а для этого все предлоги кажутся ему дельными. Разумеется, умные мятежники пользу-

ются всегда такую склонность и умеют знаменем святости покрывать и связывать мелочные страсти. Надо примолвить, что война с поляками⁹ отозвалась и в горах, дав горцам если не надежду на успех, то поруку в долгой бескарности. Кавказ зашевелился: ему вздумалось стряхнуть с хребта своего наших великанов... Не горячись, голубчик! В 1831 году скопища Кази-муллы принимали вид более и более грозный. Небольшой отряд русских, дважды выступая из лагеря под Кяфир-Кумыком, успел разбить шайки возмущившихся жителей. В половине мая генерал-майор Таубе¹⁰ проник в ущелье к д. Атлы-буйны¹¹, имел жаркое дело с Кази-муллою, но возвратился без успеха на линию. Тогда, как горные потоки, хлынули к Таркам лезгины и залили всю окрестность. Несколько сотен храбрых защищали огромную крепость Бурную, висящую над Тарками; но они были отрезаны от моря и от гор... Отряд генерала Коханова¹² громил в то время деревни изменников, но между им и Тарками шумели волны измены. Сношения были невозможны.

Тарковские жители клялись, как обыкновенно, быть верными власти законной и, как обыкновенно, стоптали свою клятву. В ночи на 26 мая Кази-мулла с своими войсками

---

⁹ ..война с поляками... – Речь идет о польском восстании 1830—1831 гг.

¹⁰ Таубе Максим Максимович (1782—1849) – генерал, служивший на Кавказе с 1825 по 1831 г.

¹¹ Атлы-буйны напрямик верст тридцать от Тарков. (Примеч. автора.)

¹² Коханов (Каханов Семен Васильевич; 1785—1857) – генерал-майор; с середины 1831 г. был начальником войск в Дагестане.

вступил в город тихомолком; на рассвете жители, под предлогом бегства от приближающегося врага, подкатали арбы с нагорной стороны близко к крепости, под защитою оных кинулись к стенам первые, несмотря на пальбу с блокгаузов, и в один миг заняли стрельщицы. Вложив в каждую стрельщицу ружей по пяти, они поражали каждого, кто хотел приблизиться... отвечали ударами кинжалов на удары штыков и нередко вырывали друг у друга ружья. Надобно сказать, что в самой крепости нет родников, и потому воду взвозят в нее волами по крутой дороге, иссеченной в утесе. Дорога эта прикрыта стенкою с зубцами; две небольшие башни служат ей для боковой обороны. Немного выше, на повороте дороги, стоял пороховой погреб; на него-то устремились мятежники густыми толпами, чтобы одним ударом лишить гарнизон и воды и снарядов. Предприятие их увенчалось успехом. Закрытые самою стенкою от выстрелов пушечных, они разломали оную, отбили двери погреба и с криками победы ворвались туда на дележ патронов; другие, упоенные удачею, поползли, как змеи, выше, – участь Бурной висела на волоске... Но вдруг граната, решительно брошенная с крепости, лопнула в самых дверях погреба... Этот миг был ужасен!.. Утес дрогнул как лист, гром разорвал ухо, и черный столб, рассеченный пламенем, взвился под облака... Камни и трупы вращались в дымном вихре, страшно чернея на зареве, и вдруг этот столб разветвился широко и, подобно адскому водомету, брызнул на землю изорванные, опаленные останки

взрыва. И все еще трепетало, шумело, звучало кругом; камни катались сами собою, стекла рассыпались в пыль, затворы скрежетали, и пепельный дождь, перемешанный кровавыми членами, летел из воздуха.

Ужас, объявивший всех, для русских длился минуту. Майор Федосеев, комендант и воинский начальник в Бурной, предпринимал и пред сим две смелые, хотя гибельные вылазки, чтобы отбить воду. Он выслал третью, когда еще не опал дым взрыва. Солдаты наши, врезавшись между оглушенных врагов, кололи их беспощадно, кровь лилась на кровь; но обезумелые горцы кидались вперед и гибли то на штыках, то на острых камнях, сброшенные с крутизны. Это происшествие ободрило осажденных, усмирило на время осаждающих. Ночь пала, но она не прекратила перестрелки. Горцы, выжитые продольными выстрелами из-под стен, заняли высоты, владеющие крепостью, и били по бойницам на выбор. Пули летали даже внутрь домов; раненые не были безопасны в постелях.

Между тем недостаток воды поджигал жажду. Плач женщин и жалобный рев четвероногих наводили тоску на самое бесстрашное сердце. Бубны и клики угроз и повременные выстрелы раздавались кругом крепости, будто в насмешку уныния, в ней царствующего. Комендант был неусыпен, гарнизон отважен; но что могла сделать горсть людей противу тысяч, беспрестанно возрастающих? Русских едва ставало на пятую часть бойниц. Жажда возрастала, а отряд бог весть

где. К счастью, один татарин, из числа преданных шамхалу, скрывшемся в крепости, взялся доставить весть об осаде генералу Коханову. Поутру он, показывая вид, будто бежит из Бурной, прыгнул со стены; по нем открыли холостую пальбу; он удалялся, отстреливаясь, и наконец скрылся в кустарниках, в рядах вражеских. Сердце у каждого солдата билось страхом и ожиданием. Пройдет ли он? Дойдет ли он? Не изменит ли сам? Поверят ли ему?.. День минул в перестрелке. Сон не смыкал очей осажденных.

На третье утро с крепости увидели, что горцы, раздраженные безумолчным огнем башни, стоящей внизу на водяной дороге и совершенно отлученной от всякой помощи, набросали на потолок ее дров, обложили вокруг хворостом и собираются сжечь и сжарить заживо заключившихся там двенадцать человек солдат, которые решились погибнуть скорее, чем сдаться. Участь, ожидавшая этих бесстрашных, была ужасна. Товарищи видели их бедствие и не могли помочь им!.. Несколько головней, брошенных на кровлю, закурились... Зверские крики радости огласились в толпах осаждающих, – но железные двери распахнулись внезапно, и маленький гарнизон ринулся по дороге вниз к водяной башне, где другая кучка храбрых отсиделась от беспрестанных нападений, хотя и потеряла своего офицера. Один убитый и трое раненых заплатили за это счастливое переселение; но остальные спаслись от страдальческой смерти, тем вернейшей, что у них не было уже ни зерна пороху.

Если б Казн-мулла был опытнее и воины его решительнее, Бурная не могла бы устоять, несмотря на львиную храбрость гарнизона. С нагорных сторон стены так низки, что враги могли бы штурмовать их с плеч товарищей, и так обширны, что если бы повели атаку со всех фасов, малочисленный гарнизон не знал бы, куда кинуться для отпора. Но блокгаузы ли, заменяющие бастионы, пугали горцев, или вели они нападение с востока оттого, что им ближе было ходить из города, только они будто на смех напирали на самую неприступную сторону; несколько раз порывались отбить ворота и всегда бывали отражаемы с уроном и провожаемы в напутье пулями и картечью. Но солнце клонилось к западу, и с ним западала надежда осажденных. Нет как нет отряда! Нет как нет спасения! Переметчики принесли весть, что к утру Кази-мулла назначил решительный приступ, что лезгины вяжут фашины и лестницы. Русские готовились умереть, не выдав оружия, и в этот миг услышали звук перестрелки, вторимый эхом гор. Можно ли представить себе, не только описать другим, этот переход от отчаяния к радости! Была уже ночь, когда русская граната рассыпалась звездой спасения, — * гром пушек и «ура» приветствовали братии. Враги и други наши ночевали на оружии! Судьба потрясла жребиями боя и смерти в таинственной урне. Солнце встало кроваво, как боевое знамя; все видели восход его; но сколь многим не суждено было видеть его заката! Я уже описал вам тарковское сражение; вы сами можете вообразить чувства, вол-

новавшие осажденных, когда увидели они малочисленный отряд, идущий в неровный, сомнительный бой с неприятелем, скрытым в стенах, впятеро сильнейшим. Но чего, но кого не одолеют русские? Разбитый Кази-мулла бежал, ночью, пеший. Но он не уныл духом... Скоро узнали мы, что он в течение восьми дней осаждал в Чечне крепость Внезапную и, верно бы, взял её, истомив жаждою, если б не подоспел генерал Бекович на выручку* 19 июня генерал Коханов разбил вблизи Тарков еще раз мятежников. Горцы вздумали напасть на русских среди бела дня и почти на открытом месте. Их, как водится, обошли, подпустили на полкартечный выстрел и развеяли в прах. Вот уже правда, что они от дыхания пушек летят как «пух от уст Эола»¹³. Больше всех досталось тут мехтулинцам, подручникам Ахмет-хана, которые еще в тарковском деле дрались с нами заодно и потом пристали к мятежникам.

22 августа было дело в Казанищах. Вы его знаете из моих писем. В промежутках отряд жег деревни; впоследствии он стал лагерем близ селения Губдень; это лучшая наблюдательная точка; тут ворота гор, и оттуда равное расстояние до Тарков и Дербента, по два усиленных перехода в каждое. В это время я был в Дербенте.

Между тем искры мятежа, раздуваемые Кази-муллою, вспыхнули пламенем в вольной Табасарани. Вслед за ними

---

¹³ ...как «пух от уст Эола» – строка из «Евгения Онегина» Пушкина. Эол – в греческой мифологии повелитель ветров.

взволновались и владения Ибрагим-бека Карчахского, наследника майсумов (князей) Табасарани, человека, издавна преданного русским. Это принудило генерал-адъютанта Панкратьева¹⁴, главноуправляющего Закавказским краем, по отбытии графа Паскевича-Эриванского в столицу, отрядить для усмирения Табасарани два батальона 42-го егерского полка, с несколькими сотнями ширванской конницы. Отряд этот поручен был храброму полковнику Миклашевскому, тому самому, который в 1828 году с цепью стрелков сбил турок с Топдагского кладбища, втоптал их в ворота Карса, ворвался с ними вместе внутрь и был главным виновником внезапного взятия этой крепости. Он промчался грозой по Табасарани, по непроходимым лесам и крутизнам, имел сражение на горе Гарбакурани, при Каруль-Гуа, при Нетарин-Гирве, спалил девять селений, покориł новый магал, заставил присягнуть старшин прочих, – но, вдруг отозванный в Ширвань, ушел из Дагестана¹⁵. Экспедиция его продолжалась пятнадцать дней; но долго будут помнить в горах Кара-полковника (то есть черного), как называют его горцы.

В это самое время слухи о намерении Кази-муллы напасть на Дербент возросли до вероятия. По вечерам татары теснились в кружки по перекресткам и базарам; женщины, встречаясь на улицах, восклицали: «ваксей джан джюван! на вар,

---

¹⁴ Панкратьев Никита Петрович (1788—1836) – генерал, начальник Кавказского корпуса, с 1831 г. – командующий войсками в Закавказье и Дагестане.

¹⁵ Тому причиной были сборища турецких войск на границе. (Примеч. автора.)

на олур (ахти, молодушка! что слышно, что-то будет)?» и нередко, присевши на корточки, забывали закрывать лица от прохожих. Мальчишки, прыгая на одной ноге, напевали: «Кази-мулла геляды (идет)!» Взад и вперед возили пушки, снаряды. Русские кумушки тащили, как муравьи, свою рухлядь в крепость... В городе кипела какая-то мрачная деятельность. Мне все это казалось очень забавно. «Стоит ли жизнь таких хлопот?» – думал я и преспокойно закуривал фитилем трубку.

Желая, однако ж, узнать мнения дербентцев, преданности которых, признаться, мало верил, я нередко, нахлобучив папах на брови, закутан в татарскую чуху, вмешивался в толпу и прислушивался к народным толкам.

– Ему ли, собачьему сыну, прийти сюда! – говорили иные старики, поглаживая с гордостью красные бороды. – Не ему чета был русский сардар Кызыль-аях¹⁶¹⁷, да простоял же под Дербентом целую зиму. С той стороны батареи как начнут жарить, так, бывало, у земли лихорадка делается, а бомбы-то, бомбы! Как ударится одна о другую в воздухе, да и

---

¹⁶ Кызыль-аях (Золотая Нога) – так называли дагестанцы гр. Валериана Зубова, брата Зубова Платона Александровича (1767—1822), русского государственного деятеля, последнего из фаворитов Екатерины II.

¹⁷ Золотая Нога – так навываюот дагестанцы гр. Валериана Зубова. Они никак не верят, что политические перемены в России, вследствие чего Зубов был отозван в столицу, а вовсе не храбрость дербентцев, были причиною зимовки русских в двадцати верстах от города. Весною город сдался, едва построили первые батареи. Это было в 1796 году. (Примеч. автора.)

упадут наземь; в большой мечети штук пять нашли сплюснутых, словно блюда. Да и то, если б мы сами не захотели выгнать хана, ничего бы не взяли русские. Про старинное нечего и поминать: сколько раз подступали сюда и горцы, и индейцы, и крымцы, – да грязь съели!

– Сожгу я гроб отцов да и прадедов этого Омарова отродья¹⁸! – говорил другой. – Видишь, что задумал он! Всем, кто постарее, – голова долой, кто помоложе – в плен, а женщин наших по рукам разобрать!.. Говорят, уж приказ дал своим все золото с женских монист ему принести, когда будут грабить Дербент, а другое прочее что кому попало¹⁹. Проклятый недоверок, да еще нас же не считает мусульманами; они, говорят, хуже гяуров!..

– Плюю на бороду этого Тази-муллы²⁰, и друзей его, и разбойников его! – восклицал третий, выставляя ручку кинжала в оправе, с блестящей насечкою. – Пусть только лопатники лезгины²¹ покажут сюда нос, так мы им дадим себя знать!

Но между этой хвастни возникал и голос сомнения, чтоб не сказать страха. Купцы, которые под миродатным владычеством русских давным-давно отвыкли от оружия, оглядывались назад и поговаривали, что русских здесь чересчур ма-

---

¹⁸ ...Омарова отродья! – Омар Ибн-аль-Хаттаб (ок. 591—644 г.) – арабский халиф; сначала был врагом ислама, потом стал ревностным его защитником.

¹⁹ Это истина. Такими-то обещаниями наиболее прельстились горцы (Примеч. автора.)

²⁰ Тази – собака. Игра слов, вместо Кази. (Примеч. автора.)

²¹ Лезгины – общее название группы дагестанских народов на Кавказе.

ло, что микелляры²² городские в сношениях с Кази-муллою, что они, пожалуй, впустят его ночью, что городские стены кругом шесть верст, а в городе нет народа на осьмую часть этой длины и у половины взрослых нет ружей! Иные толковали даже, что конницею можно вбрести в море, объехать стены и ударить с открытой стороны...

– Все горы опрокинутся на нас! – говорили самые робкие. – Абдурзах-кади, Исса-бек, Шамардан-бек и другие окрестные владельцы давно таят измену, давно звали сюда Кази-муллу и теперь уже явно пристали к нему. От генерала Коханова мы отрезаны. Кара-полковник ушел в Ширвань, а того и смотри, что Аслан-хан нагрянет заодно с нашими врагами. Говорят же, что и Акуша и Авария поднимаются!

В этих речах было много правды.

---

²² Так зовут саннитов дербентских. Шагиды, по ненависти, клеветали на них. (Примеч. автора.)

2

Наконец 19 августа, верст за пятнадцать от города, наездники Кази-муллы завязали перестрелку с дербентскими разъездами через речку. Неприятель напирал, – дербентцы свились назад. К вечеру 3-й батальон Куринского пехотного полка оставил свои казармы, за две версты от города, выстроенные на высотах Кефары, вступил с барабанным боем в Дербент и расположился на приморских стенах. Крепость Нарынь-Кале занята была батальоном Грузинским линейным N 10-го, под командою майора Пирятинского. Стены города во всем их пространстве вверены были защите жителей.

Исправляющий должность дербентского коменданта плац-майор майор Васильев сделал заранее все нужные распоряжения. Места по фасадам были расписаны для действия – точки сбора на случай приступа. Полуразрушенные стены увенчаны наскоро грудною обороною из досок, из корзин с землею, из хвороста. Ночь прошла в ожидании.

И вот утром 20 августа закурился дым по дороге Тарковской – это горели стоги сена. Вестники скакали взад и вперед, взывая пыль по полю; кровли осыпаны были зрителями; женщины, разбросив по ветру чадры, с криком бегали из дома в дом; везде сверкали штыки и сабли; на углах крепости виднелись в высоте артиллеристы, заряжающие орудия. Ба-

рабаны гремели. Город, не выдавший в течение тридцати лет ничего воинственного, превратился вдруг в боевой стан. В семь часов запылали куринские казармы в Кефарах, и клубы черного дыма, как перья великанского шишака, осенили противоположащую гору. Первый подскочил к башне (когда-то сторожевой, на углу этой горы стоящей) статный черкес, мелькнул на черном поле дыма и будто улетел с ним... За ним другой, третий... Дербентская конница, как стадо свиристелей²³, шумя влетела в ворота – и вот рассеянные толпы неприятельской пехоты показались по всем дорогам и садам, вея белыми значками. Пушка заревела с крепости, – ядро запрыгало между врагами, и клики вражды с обеих сторон огласили воздух. Надобно сказать, что Дербент северным боком стоит над ущельем, которое охватывает с запада крепость онога, Нарынь-Кале, и потом простирается в гору. Крутой берег этого ущелья увенчан двумя башнями, когда-то сторожевыми, но теперь покинутыми. Эти башни были в тот же миг заняты мятежниками, и из-за них-то завели они перестрелку по стенам, по улицам, в окна домов и начали складывать из камней завалы (tranchee). Меня удивили и потешили четверо дербентских жителей: залегши на горе за камнями, они одни-одинехоньки, на пистолетный выстрел от врагов, оставались три битых часа и не давали высунуть носу из-за гребня холма своими меткими выстрелами: вот что значит решительность! Но между тем завалы росли. Лезги-

---

²³ Свиристель – лесная северная птичка из отряда воробьиных.

ны, как муравьи, таскали по камню, сейчас ложились за ними и посылали к нам брань и пули. В несколько часов обе башни были соединены стенкою, и в бока разведены были крылья (epaulements). Пальба не умолкала. Жители сгоряча не жалели пороху; всякий хотел доказать свое удалство или усердие... Пушечные выстрелы держали такт в этой увертюре... Вид был единственный.

Под вечер, вслед за одним капитаном, я сел на коня и поскакал к морю проведать, что там делается. Виноградные сады, перерезанные канавками и терновыми оградками, подходят там почти вплоть к степам города. Пользуясь этим, неприятельские стрелки пытались подползть шагов на тридцать. Выхожу на стену подле Кизлярских ворот, – такая пальба, что небу жарко!.. Несколько человек лезгин хотят унести своего, раненого; на раненого упал убитый, на убитого третий. Горцы хотят выручить тела товарищей, – все напрасно. Бедняга раненый бился под трупами, выбрался, пополз, порвался перелезть через плетень и, вновь пробитый многими пулями, повис поперек, как орден Златого Руна²⁴. Вперед, вперед!.. Чего жалеть! Вот несут и русского раненого.

На основании разрушенной приморской башни поставлено было легкое орудие. Глядим: кучка неприятельских всад-

---

²⁴ Орден Златого Руна – рыцарский орден, учрежденный Филиппом Добрым (1429); на ордене изображалась шкура золоторунного барана, повисшая на дереве.

ников приехала купаться в море. Ах вы, бездельники! Вам надо кровавое омовение за эту дерзость. Фейерверкер! Хватит ли туда ядро? Фейерверкер уверяет, что не хватит. А вот пустим на божью волю! Капитан, с которым я приехал, присел на лафет, подвинтил по диоптру подушку. Пли! Ядро вснлескалось, как утка по отмели; прыжок, другой, и как раз в середину толпы!.. Любо стало видеть, как разбрызнуло оно купальников... Ага, дружки! каково наше чугунное мыло? Наводим трубку: тащат троих – и все прочь, и все вроссыпь. Готова ли? Пли! – и снова прощальное ядро взвило пыль по полю; одного молодца угодило в полконя, и он вместе с буцефалом²⁵ своим мельницею закрутился в воздухе. Между тем близ нижнего базара вывезли два единорога²⁶, чтобы пронизывать во фланг прибашенные завалы. Гранаты лопались на горе, вздымая прах и дым на зареве заката. Дикий рев радости наших азиатцев провожал каждый удачный выстрел; напротив, клики укора раздавались в скрытых толпах осаждающих, если удар миновал цель. Реже и реже летели навстречу угрозы и пули. Наконец вечерний намаз²⁷ укротил перепалку. В течение этого дня неприятель обходил город, с горской стороны занимая гребни холмов, а с кубинской – сады.

Мне впервые удалось быть в осажденном городе, и пото-

---

²⁵ Буцефал – конь Александра Македонского.

²⁶ Единорог – старинное артиллерийское орудие.

²⁷ Намаз – мусульманская молитва, совершаемая в определенное время дня.

му я с большим любопытством обегал стены. Картина ночи была великолепна. Огни вражеских биваков, разложенные за холмами, обрисовывали зубчатые гребни их то черными, то багровыми чертами. Вдали и вблизи ярко пылали солдатские избышки, сараи, запасные дрова. Видно было, как зажигатели перебежали, махая головнями. Стрельба не уставала, ибо лезгины подползали к самым стенам, то желая отрезать воду, то зажечь ворота, подбрасывая под них хворост. Самый город чернелся, глубоко потопленный в тени, за древними стенами; но зато крепость, озаренная пожаром, высоко и грозно вздымала белое чело свое. Казалось, по временам она вспыхивала румянцем гнева; медные уста гремели, и эхо гор с ропотом вторило глаголу смерти, между тем как зловещий свист ядра порывался сквозь мрачный воздух. Дикий хор бодрствующих дербентцев: «Хабардар, оий хабардар (остерегайся)!» и, будто в ответ ему, вечная песня последователей Кази-муллы: «Ля нилля, гилль алла!» раздавались часто. На взморье змеился отблеск двух костров... Так прошла первая ночь.

Встало солнце, и неприятель разыгрался. Конница и пехота потянулись к морю, вероятно пытаясь ворваться в город с открытой стороны. Орудия заговорили и с крепости и с двух новых барбетов²⁸, устроенных ночью на дряхлых стенах города. Вот всходит к нам на стену Ибрагим, бек Карчахский, держит речь к дербентцам – зовет их на вылазку подкрепить

---

²⁸ Барбетты – временные укрепления.

его нукеров. Идем, идем. Двое русских, тут бывших (один штабс-капитан и я), не дожидаясь, покуда отомкнут ворота, спускаемся со стены. Сорок удалых нукеров Ибрагима кидаются вперед; град пуль встречает нас с сторожевых башен, град пуль осыпает в бок из завалов, на локте ущелья заложённых. «Югюрь, югюрь (бегом)!» – кричат со стены татары. Мы бежим, спускаемся в рытвину, прядаем на камни, взбегаем по крутизне на гору, – ядра ревут через нас предтечей гибели. «Хоччаклар (молодцы)! – кричу я татарам. – Кто выстрелит больше разу из ружья, алагын дюшанлы (тот враг божий). Сигерма клынч гиррек (ударим лучше с обнаженными саблями)», – и с этим словом, после немногих выстрелов, кидаемся на завал с обнаженными кинжалами. Ура! Наша взяла, пули чрез голову, смятый враг бежит, башни наши, знамя наше – пошла резня. Нукеры Ибрагима, по обычаю, режут головы; мы преследуем неприятеля, который, перестреливаясь, рассыпается по садам, по горам, по стремнинам; отбиваем коней, берем пленных. Но неприятель с Кефаров обращается на нас превосходными силами. Толпы лезгин с воплем стремятся навстречу, и мы отступаем тихо, гордо, оставляя по следам кровь и трупы, разбрасывая завалы вражеские. Замечу одно: с азиатцами можно надежно идти вперед, но зато отступить с ними беда! Они бегают по горам, как серны, и не любят оглядываться назад. Кто не легок на ногу, тому накладно быть с ними в деле.

22 числа еще раз ходили на вылазку с татарами с ку-

бинской стороны. Усердие жителей росло с каждою удачею. Комендантские ворота осаждены были толпами дербентцев, желавших вооружиться. Бывало, римская чернь кричала перед сенатом: «зрелищ и хлеба!» – здешняя просила ружей и пороху. Им розданы были все залипшие ружья 10-го линейного батальона. Стар и мал вооружились, кто чем мог. Везде точили кинжалы, везде ковали копья для отражения со стен в случае приступа. 23-го с утра была русская вылазка в приморские сады: выбили неприятеля из предместья, которое он покушался зажигать. Часу в шестом вечера дремал я на стене, утомленный долгою бессонницею, как вдруг крики пробуждают меня... Неужели приступ! Смотрю: татары и русская рота делают вылазку с моря и из Кизлярских ворот, против кладбища Кырхлар, на котором усилились мятежники, собираясь туда молиться на гробе очень уважаемых, хотя очень мало знаемых суннитами сорока мучеников. Знамя Кази-муллы целый уже день веяло на одной из надгробных часовен и словно дразнило русских. Идут, близятся!.. Ретивое во мне так и вспыхнуло: ну летом бы полетел туда! Прикован долгом к своему месту, я принужден был в этот раз остаться только зрителем боя, который совершался перед глазами, как на ладони. Татары, под начальством Фергат-бека, ползли из садов; русские, человек около сотни, шли из Кизлярских ворот; с левой стороны им на помощь выходила из главных еще кучка дербентских жителей. Между тем с горы беспрестанно спускались лезгины на подкреп-

ление своих, перебегая поле под ядрами и картечью. Пальба закипела будто в котле, когда русские пошли в штыки; но ряды стоячих надгробных камней сломали строй; убийственный огонь из двух часовен и длинной мечети остановил сперва дербентцев, потом и русских... Первые обратились назад, вторые замялись... Минута колебания была ужасна для зрителей. Стоило видеть тогда стены и кровли Дербента, усыпанные множеством людей обоего пола и всех возрастов, несмотря на опасность. Крики удовольствия и одобрения гремели вслед нашим, но когда волна отхлынула, мертвое молчание воцарилось на стенах... И дербентцы и лезгины вскочили из-за брустверов, но никто не стрелял друг по другу: взоры и души всех прикованы были к судьбе стычки, – она решилась. Видно было, как выскочил вперед капитан, командовавший ротою, махнул саблей; пушка, подвезенная ближе, брызнула картечью, пальба удвоилась с кладбища, по русское ура заглушило ее. Куринцы бросились против камней, оживленных огнем, в штыки – и неприятель дрогнул, побежал. Лезгины прыгали из окон мечети и гибли на штыках. Ядра пожинали беглецов в поле. Бой примолк, но еще белое знамя раздувалось на куполе; несколько отчаянных защищали узкую лесенку в стене часовни, но мы видели, как один солдат пробился наверх, как он заколол последнего врага, сбросил его вниз и сорвал знамя. Мы, как гомеровские троянцы²⁹, рукоплескали со стен победителям.

---

²⁹ Гомеровские троянцы – защитники Трои, древнего города в Малой Азии,

Но скучно было бы, друзья мои, волочить вас по всем вылазкам и день за днем описывать происшествия блокады. Скажу только, что 24 числа неприятель, руководимый терхеменскими знахарями местностей, – отвел воду, отчего только два самородка остались³⁰ в целом городе, что несколько раз осаждающие густыми толпами стремились к стенам и отраженные ограничивались одной перестрелкой. Гарнизон был неутомим и неусыпен. Усталые от пальбы днем, солдаты поправляли ночью стены, насыпали брустверы, устраивали траверзы³¹; начальники подавали собою пример отваги и деятельности. Мусульмане соревновала русским. Между тем мятежники, привлеченные жаждой добычи, за недостатком ее вымещали свою досаду разрушением. Все, что могло гибнуть от огня и железа, – гибло. Винные заводы, загородные домики пылали. Фруктовые деревья падали под топором, виноградники посекались или исторгались с корнем. Сам Казимулла обрекал места на истребление. Пленники рассказывали про него тьму чудес: как он летает после намаза в Мекку на бурке своей; как он с одним нукером невидимкою подходил к стенам Дербента и от него разбежалась куча людей. «Он непременно возьмет ваш город, – говорили они... – Не далее как сего дня поутру он ездил молиться на море, и аллах велел ему подождать еще три дня приступом, за наши

воспетые в «Илиаде» Гомера.

³⁰ ...два самородка остались... – то есть два ключа (воды).

³¹ Траверз (траверс) – укрепление в виде земляной насыпи или дамбы.

грехи, а потом наверно отдаст нам победу». Такую-то теплую веру успел вселить Кази-мулла к своей святости! Дельного из подобных рассказов извлекли мы очень немного. Кази-мулла среднего роста, некрасив, по лицу рябинки, борода редкая, глаза серые, но светлы и проницательны. Говорит мало, но выразительно; угрюм, много пишет и часто молится. В битве не участвует мечом, но ободряет своих мужеством и увещаниями. К себе не допускает никого близко и никогда ночью. Если приближается к нему какой бы ни было пришлец, двое стражей держат ружья на взводе и многие сабли наголо готовы изрубить в куски всякого по малейшему мановению вождя, – маневр, который господин Кази-Мугаммед нередко изволит проделывать, к немалому назиданию и удовольствию горской публики. Кажется, действуя убеждениями на умы легковверные, он не презирает и суеверными средствами. Вообразите, какую штуку хотел было он выкинуть во время осады. В садах попались ему в плен несколько мальчиков, которые тайком ульнули за виноградом. Он приласкал из них некоторых, дал им прокламации к жителям, в коих приглашал соединиться с мусульманами, его последователями, на истребление гяуров, и отослал в город. Эти листы велел он им потихоньку рассовать по карманам взрослых дербентцев в то время, когда народ толпится ввечеру, у фонтана за водою, чтобы суеверные подумали: «Сам Магоммед положил мне в карман это послание!» Вопреки его желанию, чудо не сбылось. Ребята рассказали наказ Кази-моллы

родственникам, те донесли коменданту, и дело разгласилось. Этого мало: в пятый день осады, к ночи подъехал к воротам один всадник со связанными руками. Узнали в нем дербентского жителя, ездившего в Кубу. Он уверял, что Кази-мулла не велел его грабить и послал в Дербент; но полное на нем вооружение и много денег в карманах дали подозрение. Давай обыскивать пристальнее, и находят в Куране множество ярлыков³² с печатью Кази-муллы. Потянули к допросу; он сбился, смешался и, наконец, признался, что эти ярлыки даны ему для вручения тем, кто бы согласился действовать заодно с осаждающими. Они бы служили пропуском сквозь войско Кази-муллы и охраною в случае грабежа. К счастью, таких злонамеренных людей, по крайней мере явно, не оказалось. Но жители верили, что они есть, что они готовят измену. Прошло пять, прошло шесть дней, и ниоткуда ни весточки. Комендант, для ободрения духа горожан, не раз выпускал слухи, что идет то отряд Миклашевского, то отряд генерала Коханова; но это действовало ненадолго. Меня очень любят татары за то, что я не чуждаюсь их обычаев, говорю их языком, и потому каждый раз, когда я выходил на стены подразнить и побранить врагов, прогуливаясь с трубкою в зубах, куча дербентцев окружала меня... Я всегда приносил им полные карманы кремней и патронов и еще втрое более новостей; городишь им турысы на колесах, и они спокойны на

---

³² Ярлык (истор.) – письменный указ, грамота хана в монгольско-татарских ханствах.

несколько часов, а там опять новые рассказы и новые надежды. И то и другое стало, однако ж, иссякать по прошествии недели. В городе было мало хлеба и нисколько сена; рогатый скот начал падать; кони голодали; жители утомлялись бес-
сменной стражею, а известия, что Кази-мулла готовит лестницы и фашины³³ к скорому приступу, стали несомненны. Поговаривали, будто в темные ночи осаждающие в некоторых местах подползли к подошве степ, сделали несколько лазеек в город, если не для нападения, то для сообщения с единомышленниками, в числе коих обвиняли суннитов. Надобно было увериться в этом осмотром. Я просился произвести его, спустившись по веревке за стену, под выстрелами неприятельскими. Наутро 27 августа должен я был совершить свое опасное путешествие, но рассвет оказал бегство Кази-муллы и всего его войска. «Качты, качты (бежал)!» – раздалось со стен. Копя! коня! – Я вспрыгнул в седло и выскакал в едва растворенные ворота. Сладко подышать вольным воздухом, радостно порыскать по полю после невольного затворничества. Пускаю коня во всю прыть на гору. Костры гаснут во вражеских завалах. Здесь недавняя кровь, там свежие могилы, кости пиршества на пепле пожара, потерянные чуреки по дороге, разбросанные мешки, изломанные арбы, подбитые кони, усталые быки и быстрые следы горских башмаков на прахе – вот все, что осталось от многочисленных полчищ

---

³³ Фашина – перевязанный пучок хвороста, применяемый при саперных и земляных работах для укрепления насыпей, плотин.

смелого Кази-муллы. Он исчез, как ветер. Я заскакал далеко в гору целиком. Оглядываюсь – за мной и в виду ни души, а тут каждый куст, каждый камень мог скрывать врага. Возвращаюсь... прислушиваюсь... что это, не гром ли? Нет, это вестовые выстрелы в отряде генерала Коханова. Слава богу! Осада кончена.

Поход в Дагестан генерал-адъютанта Панкратьева в 1831 году

Лагерь близ с. Джимикент, 15 окт. 1831.

Между тем как избавленные от осады дербентцы топили печки штурмовыми лестницами и фашинами, готовленными Кази-муллою для приступа, беглец Кази-мулла отправился, словно победитель, праздновать свою свадьбу О Кюрек, с дочерью своего наставника, муллы Магоммеда. Не слишком, видно, надеясь на гурий³⁴ зеленого цвета в раю правоверных, он взял в задаток будущего блаженства краснощекую горянку, – но ни жирный плов пиршества, ни свежие ласки молодой супруги не утомили деятельности изувера. Каждый день, под предлогом шариата³⁵, то есть толкования Корана, проповедовал он ненависть к русским и независимость от всех властей. Возвзвания его, исполненные блестящих парадоксов, летели как искры во все стороны и зажигали соломенные умы горцев. В это время мы стояли под стенами Дербента и, как водится, от безделья досадовали на бездействие.

Ничего нет забавнее урядов и пересудов нашей братьи, подчиненных. Всё бы мы стояли там, где сытно да весело; всё бы ходили, когда в небе тишь, а на земле гладь. Если ж

---

³⁴ Гурия – в мусульманской мифологии райская дева.

³⁵ Шариат – свод религиозных и бытовых правил ислама, основанных на Коране.

дойдет дело до военных распоряжений, то сам Наполеон не годился бы перед нами в барабанщики. Тут бы сделать так, там этак!.. К счастью русского оружия, от нас требуют только повиновения, а не советов, и удачный конец дает делу венец. То же самое было и теперь.

Генерал-адъютант Панкратьев, оставшись по отбытии графа Паскевича-Эриванского командующим войсками за Кавказом, заблаговременно сосредоточил значительный отряд под Шамахою³⁶, для укрощения мятежа в Дагестане; но шаткая политика персидская и распространение слухов о вторжении персиян в наши пределы препятствовали удалить от оных войска. Когда ж на бумаге и на деле он удостоверился в миролюбии персидского правительства, войска от Шамахи двинуты были в Дагестан и к концу сентября соединились с отрядом генерала Коханова. Вот состав этого соединенного отряда: два батальона Эриванского карабинерного, шесть рот Куринского, два батальона Апшеронского и два батальона 42-го егерского полков, при Девятнадцати орудиях и четырех горных единорогах. Конница состояла из донского казачьего Басова полка, из трех полков конно-мусульманеких и одного конно-волонтерно-го, да сотни две куринской и бакинской конницы; всего пехоты около 3500 человек, а кавалерии до 3000. Наконец мы ожили. Муж боя и совета прибыл в Дербент 30 сентября. Добрая слава задолго предлетела ему в Дагестан. Его приезд ободрил новых подчиненных надеж-

---

³⁶ Шамаха (Шемаха) – столица Ширванского ханства.

дою, а прежних сослуживцев уверенностью в успехе. Солдаты зашевелились, и, несмотря на слякоть, кружки около огня росли. «Когда же? скоро ли в дело?» – слышалось повсюду; но болезнь держала вождя нашего на ложе, а ненастье – отряд на месте. Между тем командующий войсками не терял времени. Не щадя себя на пользу отечества, он, борясь с болезнью, неутомимо занимался делами края и, прежде чем прибегнуть к трехгранным доказательствам, пытал все средства убеждения, – а он владеет им в совершенстве. Прокламации его, написанные цветистым слогом Востока, рассеивались в ущелья, где таились мятежники. Глядим: мало-помалу старшины окрестных селений потянулись в Дербент с повинною и жители сползались из нор на прежние пепелища. Скоро вся Теркемень закипела народом, и отряд перестал нуждаться продовольствием. Ласковые сношения с Нуцал-ханом Аварским и его матерью Паху-Бехи обеспечили фланг наш. Они обязались на границах своих выставить войско и не впускать в Аварию мятежников. В тиши и в тайне готовились важные события. И вот, на ночь 2 октября, вовсе неожиданно упали палки на барабан... Зовут фельдфебелей к адъютантам: приказ выступить налегке. Куда? зачем? – никто не знает, не ведает. Но тайное тогда – теперь уж не тайна. Командующий нами сделал мастерское распоряжение. Зная, что табасаранцы решились защищаться до крайности и готовы собраться в один миг в то место, куда направлено будет нападение, он разделил войско на три отряда, чтобы раз-

влечь их силы, обманув их ожидания. Полковник Басов должен был сделать диверсию вправо на Маджалис; полковник князь Дадиан – влево в Кучни; главный, то есть средний отряд, назначенный действовать прямо от Великента на Дювек, поручен был храброму полковнику Миклашевскому, и с ним-то в одиннадцать часов мы двинулись вперед, с двумя батальонами его полка, 42-го егерей, 1-го Куринского, с 1-м и 2-м копно-мусульманскими полками, при четырех орудиях.

Ночь была темна, как судейская совесть. Скупое небо погасило все огоньки свои. Мы брели по колено в грязи, цепляясь за терновники, запутавшие окрестный лес непроницаемою оградой, и каждый миг в опасности слететь в речку Дарбах, по крутому берегу которой шли. Вы бы сказали, что идет армия мертвецов, покинувших свои могилы, – так безмолвно, так неслышимо двинулись мы вперед по излучистому яру, в двойном мраке ночи и тени леса, под нами склепом склоненного. Колеса не стучали, подковы не брякали по болоту; нигде ни голоса, ни искры. Лишь изредка раздавался по бору удар бича или звук пушечной цепи. С невероятным трудом вытаскивали мы на людях орудия... Наконец не только под нами, но и под артельными повозками кони пристали, выбились из сил... Арьергард оттянулся... Полковник Миклашевский³⁷ налетел соколом: «Руби колеса, жги повоз-

---

³⁷ Миклашевский А. М. – командир 42-го егерского полка, причастный к «делу о злоумышленных обществах»; в 1826 г. был переведен на Кавказ.

ки, жги артиллерийские дроги! Стоит ли эта дрянь, чтобы из-за нее опаздывать! Истребляй: я за все отвечаю!» Велено – сделано. В пять минут дорога была чиста, – вещи разобрали по рукам... коней пристегнули под пушки; прибавили к ним и офицерских верховых... Покатились, пошли быстро, легко, весело. Миклашевского слово ободряло солдат лучше двойной чарки. С невероятною скоростью перелетели мы тридцать пять верст, и часу в девятом утра слышали впереди жаркую перестрелку: это дралась наша татарская конница. Шомпола зазвучали. Гренадеры!.., ходу!.. Скорым шагом, беглым шагом!.. Выстрелы из лесу начинают нас пронизывать – насилу-то догадались. Если б неприятели заранее заняли чащу, многие бы из нас не донесли своих голов до Дювека, – да вот и он – легок на помине... вот Дювек, который считается неприступною твердынею Табасарани. Неприступная – забавное выражение! Его нет, слава богу, в словаре русского солдата. Вперед, вперед!.. Дело загорелось. Селение Дювек стоит в развале ущелья на скате большой горы. Над ним на полтора пушечных выстрела лепится выше деревня Хустыль. Речка Дарбах, извиваясь в крутом, но широком русле, образует перед Дювеком колено. Правый ее берег против селения от множества ключей, не имеющих истока, затоплен вязким болотом; дремучий лес обнимает всю окрестность. Егеря 42-го полка пошли вправо чрез топь, мы – влево чрез крутой овраг, на дне которого текущий ручей, впадая в Дарбах, образует пред Дювеком букву у, – все под

убийственным огнем из лесу, из домов, из завалов. Перед нами еще ходили на приступ наши спешенные мусульмане; но когда Мамат-ага, бесстрашный помощник полкового командира, был убит, когда они потеряли лучших стрелков своих, куринцы их опередили – слезли в овраг, стали подниматься на противоположную круть... густей, густей гранаты полетели над нашими застрельщиками... Ура, в штыки! А уж дело решенное, что против русского штыка ничто устоять не может; завалы были отбиты, неприятель стоптан, но, ожесточенный поражением, засел в домах, стрелялся, резался; ему было жаль богатых пожитков, свезенных в Дювек из всех окрестных возмутившихся деревень, как в твердыню, которой не мог взять и сам ужасный шах Надир, куда не проникал даже Ермолов, которого слава ярче Искендаровой³⁸ и шах-Надировой³⁹ за Кавказом. Пришлось штурмовать камень за камнем, шаг за шагом. Кровь лилась – огонь очищал от ней землю. Наконец, после шестичасовой битвы, вся деревня впала в руки наши; но из лесу, из-за плетней, из-за плит кладбища враги не переставали стрелять в победителей, и лишь картечь присмиряла их на время. Грабеж и пожар, как два ангела-истребителя, протекали Дювек из конца в конец... Ночь пала.

---

³⁸ Искендар (Искандер, Александр Македонский; 356—323 гг. до н. э.) – один из величайших полководцев и государственных деятелей древнего мира.

³⁹ Надир-шах (шах-Надир; 1688—1747) – персидский завоеватель, отличавшийся жестокостью; в 1740 г. совершил поход в Дагестан против лезгинов.

Чудно-прелестен был вид этой ночи. Пламя катилось волнами и змеем пробивалось сквозь высокие кровли домов, большею частью двухъярусных... Вся гора была озарена, и по ней вверху видны были лица, слышны крики женщин, ожидавших приступа к Хустылю. Между дымом и огнем чернелись остеклевшие развалины, – и из этого-то ада солдаты и мусульманские всадники тащили, везли добычу, заслуженную кровью, выносили раненых. Поодаль несколько человек рыли общую могилу падшим своим товарищам. Коротка солдатская молитва и за свою жизнь и за душу земляка!! Ни одной слезы, ни одного слова не уронил никто по убитым; но зато как выразительны были лица окружающих в зареве пожара, то прислоненные к штыкам, то поднятые к небу!.. Все кинули по горсти земли, чужой земли, на очи собратий... «*Sit vobis terra levis* (да будет легка над вами земля)«, – сказал я про себя. Каждый из вас лег как усталый часовой по смене... Когда же настанет и моя смена! Повременные выстрелы гремели *requiem*.⁴⁰

С убитыми и ранеными потеряли мы в этом деле четырех офицеров и до девяноста нижних чинов, включая в то число и мусульман, дравшихся отлично, особенно полка князя Баратова, которому досталось обскакать Дювек слева по лесу. Лошадей легло более шестидесяти.

Деревня стала потухать. Развалины, угольсь, дымили. Тогда полковник Миклашевский приказал развести огромные

---

⁴⁰ Реквием (лат.)

костры перед отдохавшим на поле строем по сю сторону Дарбаха... И вдруг без боя, без шума снялись мы, послав наперед татарскую конницу. Кони ихгнулись и кряхтели под тяжестью добычи. Повозки были нагружены ею донельзя. Солдаты были утомлены и боем, и походом, и бессонницею... но шли скоро, весело, – победа оперяет хоть кого; притом каждый чувствовал, что если неприятель станет напирать на нас в теснине, где каждый куст, каждый пенек ему стена, потеря будет значительна. Но, к счастью, дювекцы, ожидавшие, что мы наутро пойдем штурмовать верхнюю деревню, были обмануты – и поздно спохватились нас преследовать. Мы с легкою перепалкою прошли дифилею и наутро очутились опять в своем лагере под Великентом, совершив в тридцать пять часов два перехода и битву. Это чисто поорлиному: налетел, ударил, схватил, исчез.

То-то пошел пир горой по возврате! Солдаты валяются на цветных коврах, продают дорогие конские сбруи, золотые женские уборы, оружие, блестящее серебром и насечкою; покупщиков наехало видимо-невидимо. Песни, веселье – гуляй, душа! Все не нахвалятся Миклашевским; и точно за дело. Без его решительности и быстроты, без его храбрости, не знающей зарока, благоразумный план генерала Панкратьева мог остаться напрасен. Он знал, кому доверить важнейшее дело, – Миклашевский умел оправдать это доверие.

В это самое время полковник Басов с казачьим своим полком, с двумя батальонами апшеронцев и двумя ротами ку-

рипцев при шести орудиях выступил на селение Маджалис, чтобы помешать каракайтахцам подать руку помощи вольной Табасарани. Перед селением на угорье он встречей был выстрелами, но от быстрого натиска неготовый к нападению неприятель бежал, и старшины Маджалиса вышли просить пощады, представляя доказательства, что стреляли не они, а башлинцы. Между тем полковник Басов, слыша жаркую пальбу под Дювеком, решился идти туда прямо через гору, чтобы в случае надобности усилить отряд Миклашевского; но, вышедши на Дювекскую дорогу, он застал только аарево пожара и возвратный след наш. Подвиг был кончен.

С своей стороны полковник князь Дадьян, с двумя батальонами Эриванского карабинерного, с четырьмя орудиями и тремя горными единорогами, да с 3-м и волонтерным конно-мусульманскими полками, врезался в непроходимые доселе ущелья Табасарани. По стремнинам, но дебрям, по которым от века не слышался скрип колеса, проходил он с пушками, сражаясь на каждом шагу, поражая на каждой встрече. Двенадцать деревень легло пеплом на след русских; из них в важнейших, Кучни и Гюммеди (гнездо изменника Абдурзах-кадия), захвачена была значительная добыча и много пленных. 8 октября все эти экспедиции были кончены. 11 тронулись мы далее, к с. Башлам. Уж давным-давно грызем мы зубы на это многомятежное скопище. Говорят, что башлинцы очень храбры и отличные стрелки, – тем лучше; я уж дал солдатам задатку за башлинскую винтовку. Теперь

мы стоим под с. Джимикентом. Дождь ливнем: над головой облака словно грецкая губка, а под нами земля будто растаяла... еще хуже: она превратилась в грязь, в эту пятую стихию, открытую Наполеоном в Литве. Палатки наши плавают, как стада чаек по болоту. Журавли перекликаются ночью с часовыми; лягушки квакают кругом. Холод, сырость, слякоть! Дрова не горят, огонь не греет; лежишь кренделем, боясь приткнуться носом к полотну, чтобы вода не пролилась потоком, а к довершению забав полевые мыши, на которых, видно, за грехи наслан потоп, спасаются на бурке моей от мокрой смерти, так что карманы мои обратились в невольные мышеловки. Прощайте до первого красного дня, друзья мои! Под такую погоду разве-разве можно писать статью «Об удовольствиях походной жизни»!

Лагерь при с. Темир-Хан-Шура. 25 окт. 1831 г.

Видали ль вы когда-нибудь войско на привале? Это очень живописно, особенно как теперь, глубокою осенью. Между рядами в козлы составленных ружей лежат кружками и кучами солдаты; кто спит, прикорнув над телячьим ранцем, кто размачивает в манерке⁴¹ сухарь. Иные, набрав хвороста или бурьяна, заботливо раздувают минутные огоньки, и уже наверно подле каждого явится какой-нибудь шутник-рассказчик, от прибауток которого вся рота привыкла смеяться за полверсты. Офицеры завтракают у начальников или у того

---

⁴¹ Манерка (польск.) – походная металлическая фляжка.

из товарищей, кто позаживнее. Казаки, воткнув в землю пикеты, отдыхают в стороне. Пестрые толпы азиатских всадников снуют взад и вперед, – им не посидится на месте. Кони обоза, сдвинутого вместе, кушают в упряжи сенцо, подброшенное им расчетливою рукою. Удивиться можно, как огромны обозы в Кавказском корпусе; идет, скрипит, тянется – и конца не видать! Но когда узнаешь, что закавказские полки кочают из края в край всю свою службу и потому в необходимости таскать все свое хозяйство с собою, что они ходят в неприязненной земле, лишенной всех средств продовольствия, не только удобств жизни, что нередко они принуждены возить с собою даже дрова для топки, – то убеждение заступает место удивления. И вот палки звучат по барабану – все зашевелилось: кони ржут, прядут ушами, фурмана⁴² суетятся около повозок, канонеры⁴³ укладывают вьюшки сена на орудия. По возам! По возам! Солдаты строятся, денщики подтягивают подпруги... Даже курочки и петушки, послушные дисциплине, бегут к своим вьюшкам и, клохча, взбираются на беспокойный нашест, где они учатся верховой езде и проделывают эквилибрические штуки, привязанные за одну лапку. Новый бой – это подъем. На плечо! Справа отделениями – марш! Пошли, тронулись, барабан рассыпается частой дробью, идем... Но куда идем? Быть не может, чтобы в Башлы. Башлинские старшины приезжали с повинною го-

---

⁴² Фурман (нем.) – возчик на фуре, фургоне.

⁴³ Канонер (канонир) – пушкарь, солдат-артиллерист.

ловою, а повинную голову и меч не сечет. Генерал Панкратьев, зная, как важна пощада в пору, помиловал покорных именем государя императора, – где краше имя царское, как не в помиловании. Округи Башлы и Кубечи и весь Каракай-тах дали вновь присягу на верность. Сильное общество акусинское тоже. Раскаявшимся табасаранцам даровано помилование, с условием, чтобы они изгнали от себя изменника Абдурзах-кадия, избрав на его место другого. После перуна кары, грянувшего в сердце гор, блеснула горцам и радуга надежды на прощение. Эта благоразумная политика командующего нами, – кстати погрозить, кстати приласкать, чтобы не ожесточить заблужденных, – имела самые выгодные следствия для русских, самые благодетельные для покорившихся. Но впереди мятежные владения шамхальские не внимали еще ни грозе, ни милости, и мятежники готовились отразить силу силою; их-то развеять двинулись мы и 22 октября стали лагерем за Темир-Хан-Шурою. Решено. Завтра пойдем в дело, штурмовать с Эрпили, заслоненное оврагами и крутизнами, защищенное десятью тысячами горцев, которые ждут нас за крепкими завалами и засеками. Мятежниками повелевает Уммалат-бей – храбрый сподвижник Кази-муллы, который произвел его в шамхалы. Уж спрыснем мы по-молодецки этого самозванца. В ожидании будущих благ мы прохрапели ночь во славу божию, и заревые рожки едва меня добудились.

Поздно рассвело над Шурой осеннее утро. Непроницае-

мый туман тяготел на всей окрестности, и в нем глухо гре-
мели барабаны. Войска пошли тремя колоннами. В голо-
ве первой, назначенной обойти Эрпили⁴⁴ справа по Кара-
кайской дороге, неслись Басова казаки, бакинская и курин-
ская конница, два батальона егерей 42-го полка и семь рот
Эриванского карабинерного при восьми орудиях. Колонну
эту вел полковник Миклашевский. Вторую командовал ге-
нерал-майор Коханов; она состояла из двух батальонов Ап-
шеронского и одного батальона Куринского при семи ору-
диях; за нею следовал резерв из трех конно-мусульманских
полков, под командою генерал-майора Калбалай-хана. Все
тяжести оставлены были в лагерях под прикрытием двух рот
куринцев с шестью орудиями и двумя сотнями всадников.
Мы шли полем сквозь густой туман: в самом близком рас-
стоянии невозможно было различить предметов; но благода-
ря верной карте и зоркому глазу г. Панкратьева отряд дви-
гался вперед, не уклоняясь ни шагу от данного направления.
Вы бы сказали – это корабль, рассекающий волны и туманы
по мановению опытного кормщика. Вот раздалась команда
влево, и полки, каждый особою колонною, равняясь голова-
ми, вытянули строй с большими промежутками. По обыкно-
вению, я был в стрелках, раскинутых впереди. Иногда повея
ветра разряжал туман, и тогда соседние колонны чернелись

---

⁴⁴ Эрпили – название села; другое написание – Эрпели; см. поэму А. И. Поле-
жаева «Эрпели» (1830); Полежаев, сосланный на Кавказ, принимал участие во
взятии этой крепости.

и ружья мерцали на минуту; потом все задергивалось непро- ницаемую завесою. Сардарь⁴⁵ наш носился между нас на ли- хом коне, окруженный штабом своим.

Турецкая гайта (конница), ширванские и дагестанские бе- ки, линейные и донские казаки скакали следом пестрою тол- пою. Поезд его являлся и исчезал, подобно радуге среди тучи, готовой уже ринуть молнию. Близка, близка встреча; за- ряжай ружье! Ветер как нарочно пахнул сильнее, туман при- поднял махровые полы своей мантии, и впереди нас открыл- ся слева крутой овраг, за которым вздымалась лесистая го- ра, прямо – длинный бугор, вооруженный засеками из де- ревьев и копанными завалами. Далее по холмам колебалось что-то, как редкий лес от ветра. «Это деревья», – говорили одни. «Это всадники», – утверждали другие. Гранаты реши- ли спор наш. Грохот пошел по горам, когда заговорила бата- рея, выскакавшая вперед... В самом деле, то была конница. Она слилась, взвилась – и след простыл. Куда не жалуют ази- атцы гранат! В это время наши мусульманские удальцы стали доезжать до самых завалов. Тах, тах... вся их линия расцве- тилась пальбою, и справа егеря с эриваицами пошли на них без выстрела в штыки. Полковник Миклашевский на белом коне вздымался в гору впереди обеих колонн, – шинель иг- рала на нем по ветру... Ура! ура! Апшеронские стрелки то- гда же бесстрашно кинулись через овраг... Левее их забира-

---

⁴⁵ Сардарь – по-персидски главнокомандующий. Запросто мы всегда употребляем это слово: оно просто и звучно. (Примеч. автора.)

ли в гору Басова казаки. Мы подбежали на полвыстрела под середину, – но стали, ожидая приказания. Пальба закипела... беглый огонь мелькал сквозь пары, как фейерверк. Крики угроз с обеих сторон, бой барабанов, стон земли от пушечных выстрелов, отражаемых отголосками хребта, – ну право, сердце не нарадовалось! Гранаты, прерывая туман, гремели, будто катаясь по ступеням, свист пуль производил эффект чудесный; могу вас уверить, что эта fuga стоила всех чертовских нот из «Фрейщица».

Я большой охотник наблюдать, какое действие, какое впечатление производит на солдат опасность. Любопытно пробежать тогда по фронту, взглядываясь в глаза и лица. На этот раз я не заметил, однако ж, ни очень долгих, ни очень бледных. В молодых солдатах виделось более любопытства, чем беспокойства. Иные, правда, слишком заботливо осматривали кремни свои, иные даже кланялись пулям, которые жужжали мимо как шмели, – но над такими смеялись. «Видно, знакомая пролетела?», «Эй ты, саратовец... что ты словно перед попом раскланялся? Что бережешь свою шапку? Батюшка царь богат, другую даст! Лови, лови за хвостик!» и тому подобные остроты слышались по цепи. Сколько мне удалось заметить, так самые храбрые в деле бывают или рекруты, или старые солдаты. Первые потому, что не понимают опасности, другие потому, что с ней свыклись... Срединя ни то ни се. Но все русские солдаты, хоть и не слишком богомольны, зато в душе набожны. «Крестись, крестись, ребята!»

– говорили они, когда мы подвинулись ближе под выстрелы, – и все крестились, и всякий взглянул на север, вздумал о родных своих. Только подле меня один старый солдат, прокопченный порохом, для которого кровь и вино стали равно обыкновенными вещами, не крестился; он был очень шутлив и весел, в зубах его курилась коротенькая трубка. «Вот еще креститься!.. – ворчал он, поправляя одною рукою табак, а в другой держа ружье наперевесе. – У меня руки заняты!» Все с негодованием взглянули на вольнодумца; не прошли пяти шагов – он падает на землю убитый. «По делам покарал бог!» – шептали товарищи. Ура! Вперед!.. Нам досталось бежать по мокрому скату, изрытому стадом диких кабанов. Иной бы подумал – это пахоть; ноги уходили вглубь, клейкая грязь лепилась на них по полпуду, но это был миг. Уж под завалами – и все еще не видим врагов, так густ туман; наконец сошлись в упор... дуло в грудь, штыки в спину, прядаем на завалы, продираемся сквозь засеки, и неприятель бежит, оставляя трупы, кровь и плен по следу. Счастье наше, что пары мешали мятежникам целно бить в нас с такого выгодного места. Счастье их, что пары препятствовали нам их преследовать; они рассеялись, разбежались по камням, по кустарникам, по оврагам. Дело решилось в два часа. Обойдены справа и слева по крутизнам, которые считали они неприступными, поражены в центре, который мечтали неодолимым по тройной ограде укреплений, враги отхлынули, скрылись со стыдом, оставя более ста пятидесяти тел на месте. Славный распо-

рядок битвою г. Панкратьева и быстрота, с которою он исполнен, были причиною, что потеря наша ничтожна: ранено двое офицеров (один из них смертельно), нижних чинов убито и ранено сорок, лошадей легло пятьдесят одна.

Пользуясь изумлением неприятеля, г. Панкратьев послал по большой Эрпилинской дороге 3-й мусульманский полк и 1-й батальон апшеронцев с двумя орудиями, чтобы занять деревню. Сгоряча, не чувствуя усталости, пробежали мы верст семь с горы на гору, по овражистому берегу реки, по которому пролегает дорога. Изредка свистали пули, пущенные из противоположного леса, и, наконец, Эрпили открылись нам длинною чертою. Пройти в них должно было через утлый мостик и потом через узкую гать мельницы... Это было дело одной минуты... В три натиска штыками Эрпили стали чисты. Басова казаки подоспели слева, егеря стеснились туда справа вместе с роями мусульманских всадников полков 2-го и волонтерного, командуемого гв. капитаном Юферовым, адъютантом г. Панкратьева. Сам командующий войсками, вливая мужество в своих подчиненных, с первыми был уже в Эрпилях. Барабаны гремят, знамена веют, будто крылья победы. «Слава, слава оружию Николая! Хвала и честь вождям его!» Еще перепалка играла по лесу, прилежащему к деревне, а дело грабежа и разрушения началось. Добыча в вещах, в деньгах, в рогатом скоте была огромна. Мятежники всех окрестных деревень свезли и, так сказать, согнали туда все свое имущество, надеясь на твер-

дыню местоположения и еще более на множество, на отвагу защитников эрпилинских, – они горько ошиблись. Солдаты, татары, турки вытаскивали ковры, паласы (тонкий, особый род ковров), вонзали штыки в землю и в стены, ища кладов, рыли, добывали, находили их, выносили серебро, украшения, богатые кольчуги, бросали одно для другого, ловили скот, били, кололи засевших в саклях мятежников. Один лезгин, видя беду, решился было дать стрелка и как тут вернулся на кучку солдат. Окруженный ими, оп хотел спастись хитростию, уверяя, что он послан к сардарю с письмом. Я видел издали, как бедняга выворачивал карман за карманом, рылся за пазухою – нет как нет бумаги! «Что с ним толковать!» – закричали вышедшие из терпения солдаты и подняли его на штыки.

Густела ночь, когда мы начали отступать. Г. Панкратьев не велел предавать Эрпилей пламени, по просьбе шамхала, предвидя, что эта милость обратит эрпилинцев на сторону русских, – и не ошибся.

Огромные костры пылают до сих пор в лагере, и все, что имеет две руки, варит и жарит, – правда, и есть из чего: более десяти тысяч голов рогатого скота досталось победителям. Медом и маслом хоть пруд пруди... ветер взвывает муку вместо пыли. Вот тут-то подивитесь вы вместимости или тягучести русского желудка! С ночи до Утра, с зари до вечера солдаты не отходят от котлов... спят подле. Каждый вприсонках запускает лапу в котел, вытаскивает кусок и дремлет над ним

с сладкою улыбкой. Живописный беспорядком и разнообразием шатров, стан конницы превратился в базар и в толкучий рынок. Татары, казаки, солдаты валяются на узорчатых коврах, наваленных кучами, носят, продают, меняют богатое оружие, женские платья, парчи, попоны. Медная посуда, звуча, катается по мерзлой земле. Дорогое идет за бесценок, тяжелое отдают чуть не даром... Но толпы продавцов всего более теснятся около духанщиков, то есть маркитантов, – потому что порой чарка солдату дороже алмаза. О, вы еще не знаете, какую важную роль играет духан за Кавказом! Я вам особым письмом опишу ее, друзья мои: это будет что-то вроде... между Теньером и Измайловым.⁴⁶

Лагерь под с. Галембек-аулом. 28 окт. 1831.

Отдыхаю. Быстрее, чем взор, пробегающий по следам пера моего, свершили мы новую победу вслед достойного нашего вождя! Зато и разбит я от трудов, будто меня ковали молотом, а душу от дождя хоть выжми. Впрочем, воспоминание о чиркейском деле освежает, греет каждого в нашем отряде, и я посылаю этот рассказ вам в гостинец – пишу себе на удовольствие.

---

⁴⁶ ..это будет что-то вроде... между Теньером и Измайловым. – Отличительная особенность фламандского живописца Теньера (Тенирса Давида Младшего; 1610—1690) состояла в изображении простонародной жизни, воспроизводимой им с особой тщательностью. Измайлов Александр Ефимович (1779—1831) – русский баснописец и журналист, изображал быт городских низов; современные ему критики называли его российским Теньером.

Эрпилинская победа навела ужас на окрестных горцев, – надо было пользоваться таким впечатлением русского оружия, и 25 октября командующий войсками двинул отряд⁴⁷ к местечку Чиркею, лежащему за Сулаком. Сведая из рассказов, что на Сулаке есть деревянный мост перед самым селением, сардарь решился захватить его врасплох и для того опередил нас с одною татарскою конницею и четырьмя орудиями. Чап, чап! то есть марш, марш – и соколами перелетели тридцать верст, разделяющих Сулак от лагеря. Чиркейцы, однако ж, были настороже – разезды их скитались повсюду, и военачальника нашего встретили враги за версту, со всеми почестями, не жалея ни свинцу, ни пороху. Рассыпав спешенных татар, напрасно хотел он заманить их в перестрелку и отрезать от берега – чиркейцы не дались в западню. Засев в каменные завалы вдоль здешнего берега, они в числе пятисот открыли злой огонь по наступающим, но мусульмане наши, предводимые бесстрашным Нусал-агою, сыном хана Казикумыкского, который, выхватив знамя из рук падающего своего бейдахдара (знаменщика), пошел на завалы, выбили их вон. Аскер-Али-бек и командующие мусульманскими полками, майор Мещеряков и гвардии штабс-капитан Юферов, втоптали неприятеля в ущелье, по которому вилась дорога к Чиркею. Гвардии капитан Всеволож-

---

⁴⁷ Оный состоял из 2500 человек пехоты и 1500 кавалерии, при двенадцати орудиях. Вагенбург остался под с. Кяфир-Кумыком, прикрытый батальоном апшеронцев, двумя ротами куринцев и одиннадцатью орудиями. (Примеч. автора.)

ский и штабс-капитан Караянц, адъютанты командующего, посланные им для ободрения стрелков наших, отличились особенною храбростию, кидаясь с ними неоднократно на завалы. Нусал-ага и Ибрагим-бек Карчахский, посекая бегущих, подскакали к самому мосту под градом пуль, – но мост уже был полуразобран; и как разрушение его было готово заранее, то в несколько минут остальные мостницы были сорваны, а чиркейцы, покровительствуемые перекрестным огнем из завалов, начали рубить переклады. Отвага стала бесполезна, – наши отступили в отбитые завалы.

В это время подоспела артиллерия, и две пушки с правого холма, два единорога против селения пробудили громовое эхо Кавказа, посылая смерть и разрушение. Неумолкающая перестрелка кипела с обеих сторон Сулака. Пули перелетали через голову сардаря и ложились у ног его. Удальцы, одушевленные его словом, не раз пытались завладеть предместьем и перебежать на другую сторону по перекладам, – но человек не птица: невозможное осталось невозможным.

Издали слышали мы перекаты пушечной пальбы и ускорили ход. Мы подымались в гору по теснине, по дороге, изрытой дождевыми потоками. Всадник за всадником неслись к нам навстречу! Скорей, скорей, сдвой шаг! Почти бежим, пот градом, – и вот поднялись на хребет, заслонявший нам вид Чиркея. Глядим – это очарование! Покуда пушки наши вздымались по крутизне на канатах, я не мог отвести очей от картины, которая гигантскою панорамною вкладыва-

лась кругом меня. Влево чернел хребет Салатаф, разрубленный Сулаком надвое. Прорыв сей, отвесный сверху донизу, обращался далее к югу, и западающее солнце, золотя северную стену его, одевало глубокою тенью наш берег; огневые облака тихо катились по гребню Салатафа и будто падали в расселину, померкали, гасли. Левый берег Сулака вздымался крутою горою, подернутою мрачным кустарником. По ней робко теснились бесчисленные стада баранов, которых смушками славен и богат Чиркей издавна. Прямо перед очами, в обрывистой, мрачной впадине, селение Чиркей сходило с крутизны красивыми уступами, расширяясь кверху. С правой стороны его, будто на опрокинутой чаше, восходила до туч огромная скала усеченным конусом; волнистые хребты тянулись друг над другом с обеих сторон. Русло Сулака терялось между их случайностями, – самой реки не было видно за крутизнами. Как дика, и величава, и грозна являлась там природа, но еще грозней стала она от вражды человека! Вся гора курилась дымом пороха, подобно волкану; отсюда мелькали убийственные выстрелы, и повремено сверкал перун орудий, заглушая ревом своим перестрелку. Какое чудное эхо отвечало ему из глубины ущелий, – казалось, то были отрывистые вздохи раненого исполина, и потом оно рассыпалось, грохоча будто скала, разбитая вдребезги. Горцы перекликались дикими воплями, и только изредка показывались над завалами их шапки и винтовки. Сталь русских штыков, медь русских пушек горела пурпуром заката.

Мы строились на горе, готовые хлынуть к берегу. Впереди на высоком холме рисовалась живописная купа всадников, – то был командующий наш со своею свитою... гонцы скакали от него и к нему; очи всех были устремлены на его мановение... Он дал его.

Приветный клич: «Куриицы вперед! Стрелки вперед!» вызвал меня из созерцания картины, которою любовался я, не скажу – как художник, не скажу – как поэт (перо и кисть мне плохо даются и удаются), по крайней мере более, нежели как солдат. Бегом спустились мы с горы, окаченные пулями из пятирядных завалов, высеченных, сложенных в камне один над другим и сосредоточенных против дороги. Крутой овраг пересекал эту дорогу; через него брошен был мостик, гибельный для многих, – то был настоящий мост Эль-Сыррат, острый, как сабля, висящий над бездною Магомедова ада⁴⁸. Казалось, мимо ушей неслась саранча, – так часто сыпались пули. Некогда было оглядываться на раненых; они летели вниз, когда мы бежали вперед. И вот мимо, через груды побитых коней наших всадников, мы вбегаем в завалы.

– Селам алейкюм, Нусал-ага: алла-сахла-сын Ибрагим-бек!

– Хошь гальдун, хошь гальдун (милости просим)! Они сидят под своими знаменами, уже истрелянными, окровав-

---

⁴⁸ ...настоящий мост Эль-Сыррат... висящий над бездною у Магомедова ада. – По исламским верованиям – мост с волосок толщиной, по которому переходят праведники в рай, а грешники – в ад.

ленными.

– Ну, что нового? что хорошего?

– Бездельники изломали мост, остались только переклады.

– Прощайте же: теперь наша очередь попытаться счастья, – вперед, ребята!

Мы перебегаем вдоль завалов и спускаемся в теснису, по дну которой вьется узкая тропа и у подошвы скалы, круто поворота влево, идет, или, лучше сказать, висит, над Сулаком, на пистолетный выстрел от противоположного берега. Чиркейцы очень хорошо знали важность этой точки и не дали нам показать носа из ущелины: каждый, кто только ставил вперед ногу, был ранен. Полковник Гофман вслед за нами привел батальон своего полка, – лошадь под ним была убита, шинель прострелена. Немного погодя пришло человек двести охотников Эриванского карабинерного, но все, видя физическую невозможность до ночи приблизиться к мосту, принуждены были ограничиться перестрелкою. Между тем войско стало по горе стенами. Штыки, сверкая, подобились щетине какого-то необъятного чудовища. Сардарь наш носился из края в край и под свистом пуль сам назначал места под батареи, – скоро загремела поставленная против самого Чиркея. Любо и страшно было смотреть, как чугун бил и рушил все в сердце многолюдного селения. Каждый удар видимо ниспровергал утлые дома. Гранаты, чертя померкшее небо как падучие звезды, лопались, вспыхивали молнии-

ями, и второй выстрел будто отвечал на первый, его ринувший, и за ними долго, долго катились отрывистые отголоски по ущелинам. Порой за пылью и дымом вырывалось пламя пожара. Крики и плач вдали сливались в какое-то дивное роптанье, будто кипение котла, будто вой ветра в пещере. Смерклось. Перепалка редела... Барабаны и рожки зазвучали зорю. Как невыразимо величественна военная музыка среди битвы! Как гордо и торжественно звучала она в горах Кавказа! Горцы перестали стрелять, – им дивны были русские песни. Эхо Чиркея впервые откликнулось на боевые наши барабаны. Все стихло. Лишь изредка брызгали огненные фонтаны ружей оттуда и отсюда; лишь рев и плеск быстрого Сулака, кипящего в глубине каменного русла, нарушали безмолвие ночи. Иногда переклики врагов, стекающихся в завалы, возникали за рекой, мерное слушай часовых в цепях, раскинутых по хребтам окрестным, раздавалось на нашем берегу. Солдаты весело балагурили в низменных шанцах⁴⁹; я лежал, прислушиваясь к их разговорам. Ночной холод пронизал меня насквозь. Голод и жажда воевали в желудке, – а где найти воды? где достать сухаря? Солдаты пошли в дело без ранцев. Я не пан Твардовский⁵⁰ и не продал бы души за бочку вина, ни за бочонок золота, – но кошелек

---

⁴⁹ Шанцы (шанец) – окопы, временное полевое укрепление.

⁵⁰ Пан Твардовский – герой польской народной легенды, продавший дьяволу душу, чтобы жить в свое удовольствие. Эта легенда является польским вариантом легенды о Фаусте.

с золотом (правду сказать, весьма ветроотленный) охотно бы отдал тогда за стакан воды – простой воды! за кусок хлеба – черного хлеба! В эти грустные минуты, когда ум переселяется в желудок и сердце вспоминает о прелестях ужина, слышу, вызывают охотника осмотреть мост... Я уверен, что голодный менее сытого дорожит жизнью, – вероятно, потому все великие полководцы нарочно мало заботились кормить свои войска. Я вскочил гоголем; протираюсь между множеством солдат, коими начинено было путевое ущелье, завертываясь в шинель, оборачиваю ружье погоном вперед, чтобы оно не блестело, и, лепясь под скалою, тихомс лком выбираюсь на дорогу – шириной немного более сажени. Чернея, вставали, хмурились передо мною утесы обоих берегов. На каждом шагу обломки плит изменяли звуком моему ходу, и, признаюсь, ретивое забилося, когда незванные выстрелы озарили меня. Стою, как камень между камнями, – а не замечен! Я насчитал восемьдесят семь шагов от поворота до предместия. Нолзу, как змея, к закраине берега, присматриваюсь: лежит один переклад сажени в четыре, но и тот сдвинут в сторону и едва-едва держится. Внизу, в глубине сажени десяти, крутился и пенился мятежный Сулак, и над ним склонялись головами обе скалы подножий моста; ну, с берега на берег, казалось, рукой подать! Мост замыкался воротами, висящими на каменных верях. Влеве, где Сулак образовал колено, белелись одна над другою три сакли, которые могли пронизывать мост сбоку, от самых ворот и над самыми во-

ротами, тянулись по горе в несколько рядов завалы. Все это в темноте не мог я рассмотреть сразу. Я был так близок от врагов, что слышал тихий говор, видел, как они носили камни, заваливая ворота, возвышая завалы, – и вдруг, на беду мою, меня почуяли за рекой собаки. Лай их раздался зловещим по горам отголоском, и пули зачикали около меня по камням. Припав к земле, словно медный грош, я счастливо отлежался. Собаки смолкли, огонь прекратился, и я назад, назад. В ущелье встретился я с инженер-штабс-капитаном Горбачевским⁵¹, с саперным поручиком Вильде⁵² и артиллерии штабс-капитаном Дейтрихом, – они собрались на осмотр, с которого я возвратился. Желая поверить все своим опытом, храбрые офицеры эти в солдатских шинелях, с ружьями отправились к мосту, – я с ними. Рассмотрев, где и как удобнее строить новый мост, они решили построить напротив моста батарею, чтобы разбить сакли и прикрыть переправу. Рабочих сюда! Долой белую амуницию – живо, тихо! Потащили бревна, привезенные с собою, и счастливо сложили их у предмостья. Потом отправились выбирать место под батарею, между завалами и краем берега. Ходим, разглядываем, – нелегкая принесла туда пастушьих собак, не успевших ретироваться в Чиркей. Четвероногие стражи ходячей бара-

---

⁵¹ Горбачевский Николай Иванович (ум. в 1839 г.) – брат декабриста И. И. Горбачевского, офицер.

⁵² Вильде Е. Е. (ум. в 1847 г.) – саперный офицер; с 1827 по 1846 г. служил на Кавказе.

нины изволили притаиться в камнях и, потревоженные нами, подняли такой гвалт, что боже упаси! Это бы все ничего; но солдаты, не предуведомленные о нашей экспедиции, воображая, что подкрадывается из засады неприятель, открыли огонь. Ответные выстрелы полетели от чиркейцев; свои и чужие принялись строчить нас наперекрест...

...Было жарко, правду сказать, – но темнота мешала цельности; мы припали к земле и докричались своим, чтоб они не стреляли. Все стихло. Выбрали место. Заложили цепь стрелков впереди; означили камешками направление фасов⁵³ и амбразур эполемента; потребовали инструментов и рабочих. Начали выводить стену, разбирая камни завала. Солдаты работали тихо, безмолвно, как муравьи, – но они были неопытны в этом деле; мало было рассказать, пришлось показывать и самому, как и что выполнить; я ворочал плиты, укладывая их в связях мерлонов⁵⁴, ибо малейшее замедление или неосторожность, малейшая непрочность могли стоить жизни многим. Прежняя наука пригодилась мне теперь (вы знаете, что я готовил себя когда-то в инженеры или артиллеристы)! Мне поручили выстроить левую половину укрепления, – и работа росла, кипела. Каждый слой камня перекладывали мы землею, чтоб камни не брякали и плотнее ложились, одевали их снаружи, чтобы не белелись. Скоро мы вывели сте-

---

⁵³ Фас – участок крепостной ограды или укрепления с определенным направлением огня.

⁵⁴ Мерлон – часть бруствера между соседними амбразурами.

ну в сажень вышиною, для прикрытия артиллеристов от навесных выстрелов с крутин, владеющих нашим берегом. В сторону развели крылья, для помещения стрелков прикрытия. Потом надо было расчистить дорогу для провозу пушек, – это заняло довольно времени. Часу в пятом пред светом ввезли и надвинули орудия, а неприятель, занятый и сам поправкою завалов, ничего о том не знал и не ведал. Ну-тка попробуем, как низко возьмут орудия!

Перун блеснул – ядро ударилось в каменный череп и дважды осыпало окрестность искрами, – грохот пошел по горам... Изумленные горцы с криком пустили град пуль на огонь пушки. Другое ядро направлено было на дальний огонек, видно разложенный под котлом в глубоком завале... Оно как раз легло в средину теней, и они рассеялись, пламя погасло... Видно, русский чугунок не очень удобоварим... плохая он приправа горскому плову! Умолкли все: все ждали утра; оно уже серело по высям гор; зубцы их обозначались; громады, сдвинутые около Чиркея неодолимою твердынею, рассветали постепенно. Туман клубился из оврагов, будто рвов, изрытых природою в оборону этому гнезду храбрых разбойников, стекшихся из Чечни и салатафских деревень на помощь ближним. Первый луч солнца, сверкнувший на теме Кавказа, казалось, зажег снова огонь вражды и громады пушек. Батарея из десяти орудий, устроенная по приказу командующего против самого Чиркея, произнесла глагол смерти. Две пушки нашей батареи, перевозимые то вправо,

то влево в запасные амбразуры, приснули картечью по завалам, устроенным в садах, лестницей друг над другом, ядрами по саклям предместия. Каменные осколки летели во все стороны, деревья ложились, будто пожатые ураганом. Ружейная пальба загорелась с новой силою... Дым густыми клубами катился по горе и потом медленно сливался с облаками, задевающими за головы скал. Картина была великолепна!!

Позабавившись стрельбою из ружья по головам горцев, отваживавшихся перебегать из разрушаемых саклей к воротам, я дивился меткости горских выстрелов. Выставленные на штыках перчатки в один миг поражались несколькими пулями. Всякий, кто отваживался перейти с батареи в завалы, был неминуемо ранен; кто протягивал ногу, платил за это удобство дорого. Я бы счел за сказку, что свинец пробивает железо, – но убедился в том, увидя пять ружей, простреленных сквозь ствол; у некоторых, сверх того, пули, пробив обе стенки, сломали стальные шомпола. Толстые железные листы, покрывающие кровлю зарядных ящиков, превратились на нашей батарее в решето. Множество штыков было сломано пулями. Правду сказать, мы очень близко были от неприятелей, а их винтовки берут невероятно далеко. Я устал, я был истощен трудами и бессонницею, ибо и запрошлую ночь пролежал в секрете. Солнце припекло меня, и, когда я сел на пушечное ведро, невольная, неодолимая дремота наложила свинцовую печать на мои веки. Несколько раненых лежали подле, стена. Ноги мои упирались в убитого, – пи тех,

ни другого нельзя было вынести с батареи: она, как остров, возвышалась на скате, открытом даже пистолетным выстрелам врагов. На меня нашел какой-то жалобный стих... Свист ядер с большой батареи слышался мною стоном вдов и сирот. «Для чего люди терзают друг друга беспощадно?» – подумал я... но не успел додумать: я заснул богатырским сном... Ни гром пушек рядом со мною, ни свист пуль мимо не пробудили меня; через полчаса, полагаю, меня разбудил бомбардир, которому нужно стало окунуть в ведро банник. Озираюсь – бой еще горит во всей силе.

Между тем командуя войсками, обозревая орлиным оком возможности, послал Басова казаков отыскивать брод, гораздо выше Чиркея; а против самого Чиркея, усилив огонь большой батареи, приказал попытаться броду или переправы вплавь. Слово любимого вождя одушевило русских беспримерною отвагою. Мусульманские всадники, линейные казаки из конвоя командующего, ринулись с крутизны на конях в реку, да и кто под глазами его не пошел бы в огонь и в воду! Егеря 42-го полка, батальона майора Кандаурова, исполнили это в полном смысле слова. Предводимые штабс-капитаном Баратовым и поручиком Хвостиковым, они не задумавшись кинулись в бурный поток кипучий, летящий стрелой с крутого ложа... но что могли сделать люди против всемогущей природы? Бесстрашные были сбиты, разнесены, увлечены быстринною, – с большим трудом могли спасти их. Но неприятель с удивлением и с ужасом увидел, что русским

нет препон; приготовление к постройке моста, для чего из ущелья начали уже набрасывать доски и фашины, поразило их еще более... Эти попытки показали им меру нашей храбрости, – они смутились, оробели... стали переговариваться с наступающими, кричать «Аман (пощада)», махать шапками и наконец, несмотря на жаркий картечный огонь, послали старшин на берег для условий. Командующий, видя, что он может достигнуть цели, не теряя людей, велел прекратить пальбу... Помалу она умолкла обоюду.

Приятна минута перемирия после боя, как тепь в пылу дня, как перемежка болезни. Все вдруг поднялись из завалов, будто выросли из земли. Гора покрылась неприятелями, униженная ими как многорядными бусами, – и с каким любопытством меряли, считали мы их очами!.. Их было более четырех тысяч. Опершись на ружья или гордо взбрасывая их за плечо, стояли горцы, угрюмо поглядывая на нас из-под мохнатых шапок своих... Живописные группы столпились у спуска к реке, чтобы напиться или освежить лицо (из завалов прогулка за водою стоила бы жизни). Припав к реке, они жадно глотали мимолетную влагу, черпали рукой, купали головы. Вдали выносили их раненых, убитых. Сгорая нетерпением рассмотреть все поближе, я спрыгнул с амбразуры и прямо спустился к мосту, лепясь за уступы скалы. Старшины селения, окруженные разноплеменными горцами, видными старыми людьми, приближались к разрушенному мосту; между ними мелькали белые чалмы приверженцев Ка-

зи-муллы. Мне хотелось променять с чиркейцами несколько слов, и я обратил речь к молодому человеку: юность менее недоверчива и менее осторожна.

– Алейкюм селам, хоччах (молодец)!

– Сагол, сагол (благодарю)!

– Зачем вы сражаетесь с нами! – сказал я. – Добрые люди должны быть друзьями!

– Зачем же вы идете к нам, если вы добрые?

– Вы сами начали ссору: вы приходили грабить шамхальцев – были под Тарками, под Дербентом, в Эрпилях.

– У нас каждому воля идти куда хочешь. Везде есть добрые люди, есть и разбойники!

– Пусть так. Зачем же вы принимаете и скрываете нашего врага, Кази-муллу?.. Семейство его до сих пор между вами.

– Нет. Он давно от нас уехал, а жена его вчерась бежала в горы... Ступайте же назад!

– Нет, приятель! Русские не отступают без удовлетворения. Вы видите, что нельзя перелететь за реку! Вы видели, что мы едва-едва не перешли за нее... Простоим еще неделю, месяц, и построим мост, запрудим Сулак ваш, и хоть потеряем половину солдат, а непременно возьмем Чиркей. Тогда не ждите пощады.

Горец нахмурился и молчал; другие сердито шептались между собою. Я продолжал:

– Вы славно дрались, а бой не проходит даром. Я чай, много у вас ранено, убито?

Лица горцев померкли вдруг, будто тяжелою мыслью: иные потупили очи, иные отворотились.

– Не спрашивай нас об этом... – отвечали они. – На жизнь и смерть божия воля.

Впоследствии от самих старшин сведения, что у них потери более трехсот человек. Одна граната, пробив стену, лопнула подле столба, поддерживавшего потолок; он пал, потолок рухнул и подавил шестьдесят человек вдруг. Эта граната была Сампсон в миниатюре⁵⁵ между горскими филистимлянами.

С нашей стороны командующий войсками прислал для переговоров майора Аббас-Кули-Баки-Ханова⁵⁶, мусульманина, известного своею ученостью, достойного преданностью. Со стороны чиркейцев договаривался именитый между них человек, Джамман. После многих споров и возражений чиркейцы предались великодушию русского правительства на следующих условиях.

1-е. Местечко Чиркей покоряется отныне престолу его императорского величества и обязывается исполнять все

---

⁵⁵ Эта граната была Сампсон в миниатюре... – Самсон – библейский мифический герой, обладавший сверхъестественной физической силой. Тайна его силы заключалась в семи прядях волос, о чем, по преданию, узнала филистимлянка Далила и, чтобы лишить его силы, остригла его и выдала соотечественникам. Его посадили в подземелье храма. Отрастив волосы, он разрушил храм, похоронив под развалинами себя и врагов.

⁵⁶ Аббас-Кули-Ваки-Ханов (Бакихаиов Аббас-Кули; 1794—1847) – крупный азербайджанский историк и литератор. В 1819 г. был переводчиком у Ермолова. Стронник сближения Азербайджана о Россией.

приказания русского начальства.

2-е. Чиркейцы обещаются не принимать к себе ни Кази-муллы, ни его сообщников.

3-е. Они должны возвратить оружие, взятое Кази-муллою у отряда генерала от кавалерии Эммануэля.

Итак, в один день совершено покорение одного из неприступнейших селений Кавказа, которое оградил он в лоне своем и крутью гор и быстрым потоком! Люди, не признававшие от века никаких властей, склонились пред оружием русского царя. Что ж может противостать его воле, уму его вождей, отваге его воинов, когда здесь самую природу победили силы человека!..

Между тем мы бродили кругом, высматривали, глазомерничали, забыв, что очень небезопасно полагаться на честь азиатца, не знающего, не уважающего никаких прав и правил военных, соблюдаемых европейцами. Заметив наше любопытство, многие стали взводить курки, а когда увидели, что топограф чертит что-то карандашом, несколько ружей склонились на прицел, с явными угрозами. Эта осторожность пришла поздненько. Все, что нужно было знать и снять, было узнано и снято.

К вечеру сменили нас из шанцев, и как сладко и как крепко уснул я под открытым небом, на голом камне у огонька! В двадцати шагах от меня стояли палатки с ранеными, но я не слышал их стона, несмотря на то, что им делали операции. Убитыми и ранеными потеряли мы в этом деле до восьмиде-

сяти человек. Коням тоже досталось порядочно; их положили до семидесяти пяти.

Еще звезды сверкали, трепетали в небе и холодные лучи их сыпались на лица спящих инеем, а уж барабаны гремели, призывая к походу. От звука их, будто от дыхания бури, легли палатки стана. Сперва тронулись тяжести: лазарет, артиллерия, обоз; в замке и мы, но уж было светло, когда пошли мы. Дождевые облака, подобные серному дыму, клубились в ущелиях, будто из жерл адских. На горах уже низвергался дождь, и вздутый им водопад, с левой стороны Чиркея, пенясь, клубился по уступам, горным. Казалось, он падал прямо из туч, гонимых, расшибаемых о ребра гигантского утеса. Смирен и печален лежал покоренный Чиркей и будто со стыда ирять тался в ущелье. Жерло Сулака в вышине упивалось парами, которые катились, неслись, падали с хребта Салатафского, будто снежные обвалы. Я все оборачивался назад, все любовался этим ненаглядным зрелищем, но скоро гряда холмов и дождевая завеса заградили горизонт мой.

Ну уж погода, ну уж переходец, прости господи!.. Шли, шли, как журавль по болоту, – одну ногу высвободишь, а другая вязнет. Ливень целый день преследовал нас, как ревнивый муж, ветер проницал в самые сокровенные складки души. Насилу-то дотащились до Галекаула. Пришли, стали – вода по колено, а уж грязь-то, грязь такая, что сделала бы честь любому азиатскому городку. Палатки наши – ни дать ни взять чертог русалок. Разложили огромные костры, хоте-

ли посушиться, – куда тебе! С одной стороны жгло и пар валил клубами, с другой в это же время платье втрое мокло от дождя. Устав вертеться даром пред огнем, я решил, мокрый как мышь, лечь на мокрый ковер, посланный на грязи, то есть на пуховике, который провидение всегда держит наготове для нашего брата воина. Зная, однако ж, экспериментальную физику, я, для поддержания животной теплоты, хватил добрую чарку водки и скоро согрелся так, что с меня пошел пар, будто с парохода. Постепенно погружался я в воду и в забытие и, наконец, заснул, как бобр, выставя только нос на воздух.

С. Гилли, 6 декабря 1831 года.

Какой русский не веселится сегодня, празднуя тезоименитство великого нашего монарха! Но между тем как шампанское шумит и льется и пьется за его драгоценное здоровье у вас в столице, я посвящу эти часы славе его победного оружия.

30 октября была у нас торжественная присяга. От мятежных селений Дагестана, от Чиркея и Гумбета, от Салатафского округа и общества койсубулушцев съехались старшины и посланцы. Привезено было и требуемое из Чиркея орудие, которое хранили они на высокой горе за селением. Войска стояли в строю; знамена развевались ветром Кавказа, смиренного русским оружием. Командующий сказал горцам речь, полную простоты и силы: упомянул о низком про-

исхождении Кази-муллы, возмутителя их; о том, как он, выдающий себя за посланника неба и очистителя веры, продавал в молодости водку и вино магометанам; о том, что сей злодей умертвил своего отца самым ужасным образом, влив ему в горло кипящее масло; доказал его поступками, что он лишь себялюбец, жаждущий власти и золота, что они видят: примером, какие кары накликал он бесполезными мятежами на головы им обманутых, что стыдно долее верить, грешно дружить сему избранному злого духа, что монарх наш милует заблужденных, щадит покорных, но умеет открывать лицемерие и казнить мятеж. Старшины клялись свято сохранять верность и покорность, положив руку на Куран и лобзая его. Завет спокойствия Дагестана был заключен. Но чтобы упрочить оный, командующий разместил войска в с. – Карабудах-Кенте, в Гиллях, в Буйнаке, в Уйтамише. То была живая цепь, наложенная на Табасарань, в которой умы еще волновались. Сардарь наш ведал, что присутствие Абдурзах-кадия и других беков, ревностнейших поборников Кази-муллы, было закваскою мятежей в среде буйных табасаранцев, и для того послал к изменникам доверенных людей от имени почетных дербентских жителей, уговорить их предаться великодушию русских, прося пощады. Это удалось. Абдурзах-кадий, Айдамир, Муртазали и другие мятежные беки явились к дербентскому коменданту. Командующий, известясь о том в крепости Бурной, которую тогда осматривал, поспешил прибыть в Дербент и отослал главнейших под над-

зором в Баку. Между тем табасаранские беки, по его приглашению, избрали себе в главу, то есть в кадии, Исай-бея, известного своим усердием к русскому правительству. Ибрагим, бек Карчахский, наследник владений майсумов, привел в покорность возмутившихся своих подданных. Джамман-бек, сын последнего уцмия⁵⁷, принял обеты верности каракайтахцев. Одних утратили быстрые успехи русского оружия, других укротило великодушное командующего, – Дагестан смирился.

Дивлюсь я и до сих пор постичь не умею, каким колдовством солдаты всех скорее узнают далекие новости, нередко важные тайны! Будет ли поход, решено ли дать сражение, идет ли к нам какое войско, где движется и что замышляет неприятель... им все известно, обо всем они говорят задолго прежде, сперва шепотом в палатках, потом около огней, а потом уже открыто, – и хоть вести их не всегда бывают связаны в подробностях, но почти всегда верны вообще. Стоя на часах у начальников, ходя на вести в канцелярию, толкуя с денщиками и писарями, они проникают везде как воздух, так же незаметно и так же перелетно. Близкие и беспрестанные сношения их с народом, даже в земле неприятельской, дают им средства скорее других вызнавать слухи и замыслы. Но, что всего страннее, случалось, они рассказами предупреждали события, – что ни говорите, а иногда глас народа есть глас бо-

---

⁵⁷ Уцмий – титул феодального владельца Каракайтага в Южном Дагестане в XIV – начале XIX вв.

жий. Так было и недавно. Между солдатами давно уже ходил слух, будто Кази-мулла, заняв генерала Вельяминова сражением на Сунже, сам ночью с одной конницею ударил вниз по Тереку, перебродился за него, и врасплох вторгся в Кизляр, ограбив часть города, три церкви⁵⁸, и с пленными ушел в горы. Сначала весть эту считали несбыточною; но невероятное обратилось скоро в вероподобное и, наконец, подтвердилось официально. Набег сей совершен был Кази-муллою 1 ноября. 5-го он уже был под Чиркеем. Гордый удачею, надежный на золото, он хотел остаться там; но чиркейцы крепко держали присягу, потому что крепко помнили русские гостинцы, и не приняли разбойника. Желая своею деятельностью выиграть во мнении дагестанцев, дабы подвигнуть их к новому мятежу, он, в ночи на 8 ноября, напал на селение Каранай; но каранайцы и эрпйлинцы совокупно ударили на его скопища, вытеснили, погнали, – он засел в неприступном ущелий, по дороге к Гимри. Стало явно, что уважение к лжепророку упало, – самые горячие его приверженцы на него восстали; меры боя и мира командующего произрастили желанные плоды.

Кази-мулла, после этой неудачной попытки, бежал в Гимри, селение, лежащее на Койсубулинском обрыве Салатафа, в пропасти, не досягаемой взором, не только оружием. Лишь

---

⁵⁸ Там случилось странное событие, доказывающее уважение черкесов к св. Николаю. Ограбив русскую церковь дочиста, они оставили только богатый образ сего святого неприкосновенным. (Примеч. автора.)

узкие тропинки, пролегающие над стремнинами, ведут туда. Там находилась одна жена и часть семейства Кази-муллы, и там же хотел перезимовать он сам, защищенный многочисленными единомышленниками. Желая удалить возмутителя из соседства Северного Дагестана, генерал-адъютант Панкратьев отправил подарки к почетным гимринцам от имени шамхала, уговаривая их изгнать из среды своей Кази-муллу; но между тем он хотел подкрепить свое требование оружием. Генерал Коханов получил приказание занять Каранай и Эрпили и тем пресечь ему единственные дороги в шамхальские владения. Сам командующий прибыл к отряду 13 числа в Карабудах-Кент, распуская слух, что пойдет атаковать Гимри. 16-го батальону куринцев, в сопровождении трех тысяч пеших шамхальцев, приказано было выступить из Эрпилей на гору. Слышать – значит повиноваться. Велено – и для русского нет невозможного. С рассветом мы двинулись на крутой хребет Салатафа, давно уже покрытый снегом... Идем!

Давно – кажется, с байбуртского сражения – не уставал я так, как устал, взбираясь по обледенелой крутизне Салатафа. Ноги раскатывались, скользили; невозможно было идти, не упираясь штыком в снег. Зато я щедро награжден за усталость прелестным видом, когда ветер распахнул позади нас туманы. Прошедши две трети, то есть верст пять в гору, мы были остановлены, и я имел полный досуг вздохнуть, дать разгул очам своим. Я уже стоял за границей растения,

на крутом гольце. Утро было морозно, солнце катилось по синеве, пылко и лучезарно. Девственный снег, не запятнанный следом человека, горел как покрывало, сотканное из алмазов по радужной основе. Огромные деревья леса опущены были кристаллами, в тысячу раз прелестнейшими зелени... Это было что-то идеально-очаровательное; звезды роились по ним вместо листьев, солнца в замену плодов. Но что виделось под стопами внизу, под очами вдали: и склоны и обрывы гор, расписанные тенями, и яркие хребты застывшего океана, вспененного туманами, и все, все, что можно было обнять взором и воображением, – этого не выразит никакое слово, не даст подобия никакая кисть. Сколько жизни разлито было по этим горам, несмотря на зиму, символ безжизненности! Я исчезал в созерцании – Адам падал с плеч моих... я был так далек от земли, и земля сквозь мысль мою казалась мне так чистою, сам я в эту минуту был так близок к небу, словно достоин его!.. Луч солнца играл, как поцелуй ангела, на лице моем, будто никогда не кропленном ни каплею пота, ни каплею слез, ни каплею крови! Тогда я мог сказать, как Фауст: «Возвышенный дух! ты дал мне, дал мне все, о чем молил я. Ты отдал мне в царство пышную природу, даровал силу ее. чувствовать, ею наслаждаться! Не к одному хладно дивящемуся изысканию ты допустил меня, нет! Ты дозволил мне заглядывать в глубокое ее лоно, как в сердце друга».

Мы не пошли в Гимри, ибо командующий войсками очень хорошо знал невозможность спуститься в эту пропасть в та-

кое суровое время года. Но демонстрация его имела полный успех. Его на дороге встретили посланные от койсубулинцев с уверениями, что желание русских будет совершенно. На другой день явились гимринцы от старшины селения Давуд-Магоммеда с известием, что Кази-мулла, изгнанный ими, удалился со своими клеветами в Иргены, где присоединился к нему Гамзат-бек Аварский, дважды помилованный и дважды изменивший русским.

Видя укрепляющееся доверие к русским и ненависть к лжепророку между дагестанцами, генерал-адъютант Панкратьев, дабы усилить оные, лично роздал несколько медалей и денежных награждений мусульманам, отличившимся в деле 8 ноября. Между тем зима установилась.

Густые снега завалили сугробами ущелья. Горные дороги стали непроходимы, и сардарь наш отправил часть войск, истомленных беспрестанными походами, в свои штаб-квартиры. Для опоры же спокойствия пять рот Куринского полка и шесть рот Апшеронского расположились первые в Карабудах-Кенте, вторые в Дженгутае.

В это время получено известие, что Кази-мулла хотел было водвориться в с. Иргены, но, видно, счастье его пошло на отлив: ему и там не дозволили скрываться. Навербовав по горам отчаянную шайку, человек до пятисот, он с Гамзат-беком, достойным его сподвижником, перевалился за Салатаф и засел в почти неприступном урочище Чумкессен, в двенадцати верстах от Казанищ, разглашая, что хочет карать

отпавших своих сообщников, и между тем похищая баранов у соседних деревень. Генерал-майор Коханов выступил против разбойника с двумя батальонами, подкрепленными шамхальскою пехотою при четырех орудиях, 26 ноября, обошел овраг и атаковал неприятеля. Но непроницаемый туман воспрепятствовал успеху. Не видя далее пяти шагов перед собою, – уже осенний день навечере, – русские должны были отступить. Горцы дерзостно кинулись из завалов своих, перешли через глубокий овраг и напали на передовые войска наши, но были рассеяны пушечными выстрелами. Дерзость их возрастала с каждым шагом отступления, – это обычная азиатская сноровка. Раз пять порывались они отбить заднее орудие на узкой лесистой дороге, но артиллерийский офицер без страха снимал его с передков, обдавал горцев картечью и снова на передки, – это был тигр, которого каждый оборот стоит жизни собакам... Одна минута, однако ж, была истинно роковая. Худо ли, был проколот картуз или не догнан до места, только скорострельная трубка вспыхнула – и нет выстрела; ставят другую – вспышка; третью – не палит!! А горцы почти на колесе и с дикими воплями кидаются в шашки, – но апшеронцы лихо отстояли орудие, стрелялись в упор, резались врукопашь. Глубокий снег и чрезвычайно суровая погода принудили нас возвратиться в самые Казанищи.

В ночи на 26 число Кази-мулла отрядил триста человек для нападения на Эрпили, но там сторожил их отважный Улу-бей. С рассветом началась сеча. Улу-бей со своими вы-

теснил их из края селения, ими занятого, преследовал далеко, многих убил, десять человек взял пленными.

В Эрпиях в этот набег свершилось дело, достойное памяти. Мать Улу-бея, пылая гневом и местию на виновников беды, родных и одноземцев, кинулась на них с топором в руках, поразила нескольких и сама прияла геройскую смерть. Казнь притаилась в Чумкессене; но могли ли, но должны ли были русские терпеть непримиримого врага в двенадцати верстах от себя? Это бы значило потоптать свои лавры, даром потерять плоды победы. Командующий войсками взвесил, какое влияние эта дерзость может сделать на умы дагестанцев и горцев, даже на войска наши, и решил: непременно взять Чумкессен. Дело это поручено полковнику Миклашевскому, который незадолго, по болезни бригадного генерала, принял начальство над отрядом.

Отряд этот собрался в Казанищи 30 ноября. Назавтра назначен был бой, и все знали, что он будет упорен, ибо все слышали, что Чумкессен едва доступен, что там есть крепостца, что она защищается тысячью отчаянных удальцов племен лезгино, – аварских; но солдаты любили Миклашевского как душу и так твердо веровали в беззаветную храбрость, в благоразумие его распоряжений, что готовились в дело весело, беззаботно. В палатках раздавались шутки, вокруг огней песни, – о, сколь для многих были они последними! Судьба уже отмечала лица жертв железным перстом своим. Скажите, какая нить связывает два мира, две судьбы,

две жизни? Скажите, отчего, готовясь расторгнуться, она почти всегда дает ощутить себя, то грустью предчувствия, то зловещими снами? «Какой предрассудок!» – скажете вы, засмеетесь или, что еще хуже, улыбнетесь с сожалением. Пусть так. Я сам очень хорошо умею толковать о вздорности этого и между тем не могу дать себе отчета, отчего и когда делаю исключения, – и не раз близость беды, как близость грозы, томила меня тоскою задолго прежде. Не говорю уже о многих умнейших людях, покорных предчувствию, – я знал людей, не имевших веры, кроме этого суеверия, и это суеверие редко их обманывало. Кто видел жатву смерти около себя в многообразных образах, тот, конечно, более домоседа имел случай видеть тому примеры. Расскажу один.

Накануне 1 декабря Миклашевский ужинал с немногими близкими к нему. Он казался веселым, но едва ли был им. Невольная дума мрачила его лицо.

– Ну, господа! – сказал он. – Надо славно заключить славный поход. Я должник государю за многие милости, особенно за позволение ехать в отпуск, и сделаю все, что могу. Отработаем дело молодецки, и я летом полечу на родину. Воображаю, как будет рад мне старик, отец мой! Про себя и говорить нечего – я русский, я сын, я жених! Лестно мне, что генерал Панкратьев выбрал меня приложить кровавую печать к странице истории, на которой блесит его имя, но, подивитесь – я бы почти был рад, если б Кази-мулла бежал заранее. Мне снился в прошлую ночь странный сон. Чудилось мне,

что в мою палатку вбегает прекрасная женщина, в слезах, с растрепанными волосами, жалуется, что она кем-то покинута. Прошла минута, и она уже лежала в моих объятьях и как ангел ко мне ласкается, но я чувствовал, что поцелуи ее – лед, грудь холодна, как зима... Она холодела на руках моих, – мне стало страшно, я зяб, я застывал, я замерзал, сердце переставало биться... Просыпаюсь!.. Одеяло у ног, и холодный ветер играет полами шатра. Разумеется, это вздор... Будучи отрядным начальником, я менее чем когда-нибудь подвержен буду личной опасности... Но успех сражения? – Разговор о деле замял и мысль о грезах.

На восходе солнца мы двинулись из Казанищ в гору к Чумкессену. Надобно сказать, что Чумкессен выходит с хребта мысом, ограниченным с юга оврагом, а с севера крутым обрывом, вся окрестность его обнята густым лесом; дорога на этот мыс идет по правой стороне оврага и, огибая оный, спускается рытвинами. Почти на углу Чумкессена стеснено несколько землянок и саклей, в коих скрывались семьи мятежников во время лета. Полковник Миклашевский, оставя против тропинки, туда ведущей, роту куринцев с одним орудием, прочие войска послал в обход. Шамхал и Ахмет-хан стали с людьми своими на дороге от Казанищ. Улу-бей с эрпилинцами занял дорогу к Гимрам и, заметя, что к Чумкессену идет на выручку толпа аварцев, пересек им путь, разбил их, взял в плен двенадцать человек. Рекогносцировка показала, что через овраг невозможно перевезти пушку и что

обходная дорога заграждена засеками и перекопами, следовательно требует долгого времени для расчистки, – а велик ли зимний день?.. Миклашевский решился сделать натиск одною пехотою. Перекрестились – пошли... Пули уже заиграли. Восемь орудий остались бить по видным завалам перед селением; но когда мы обежали его, пушки умолкли, настала жатва свинцом и железом. Апшеронцы и егеря на славу атаковали неприятеля, разом выбили его из завалов, из саклей и, беспощадно коля встречного и бегущего, по следам их кинулись с двух сторон к укреплению Агач-Кале, которое, будучи скрыто в ложбине от пушечных выстрелов, только тогда открылось глазам нападающих. Это Агач-Кале было трехстенное укрепление, воздвигнутое на краю утеса. Наружные углы его обстреливались саклями, сложенными вроде башен. Оно скатано было из огромных деревьев в несколько венцов и накрыто суковатыми пнями (*chevaux de frise*). Между бревнами вложены были по концам палочки, отчего во всю их длину образовались весьма удобные стрельницы, – из них-то летел смертоносный огонь на наступающих. Скрытые за непроницаемую оградою, горцы били на выбор; солдаты наши, несмотря на это, бесстрашно кинулись вперед; но когда град пуль срезал целые ряды храбрейших, когда несколько офицеров легли на окровавленный снег, натиск превратился в перестрелку жестокую, убийственную, ибо расстояние между крепостцою и рассеянными купами дерев не превышало восьмидесяти шагов. Кучки бесстраш-

ных егерей, предводимых достойными своими офицерами, кидались несколько раз к стенам укрепления, срывали окровавленные знамена, пытались взлезть наверх, – иным удалось и это, но суковатая кровля была непроницаема; герои падали, пробитые десятками пуль. Осажденные оказали отчаянное сопротивление, – иные, увлеченные бешеною храбростью, вылезали из укрепления и с шашкой в руке гибли на штыках. Выстрелы их были метки и непрерывны; упорство, месть, ожесточение росли с обеих сторон; подошва Агач-Кале завалена была трупами коней и людей... Никогда в жизни не видал я столько крови и столько храбрости на столь малом пространстве!..

Миклашевский нетерпеливо ждал решения боя за оврагом; но когда прискакал к нему офицер и сказал что-то на ухо, он вспыхнул. «Коня!» И в тот же миг велел двум ротам куринцев следовать за собою, спустился с крутизны вскачь и вскачь поднялся на противоположный утес, по такой крутизне, что и пешком взлезть трудно. Судьба несла его, говорили солдаты. Он спрыгнул с коня, обнажил шашку и крикнул:

– Вперед, друзья! Теперь наша очередь показать себя молодцами!

– Ура! ура! – заревели солдаты. – Ура, вперед! С нами отец наш!

Все ожило, все хлынуло к Агач-Кале. Он пошел на приступ впереди всех⁵⁹, между ротою куринцев и егерей... под-

---

⁵⁹ Он пошел на приступ впереди всех... – Генерал-адъютант Панкратьев, доно-

бежал к бойнице и в запальчивости хотел заколоть сквозь нее горца; но злодейские выстрелы сыпались, кипели, и роковая пуля пронзила его грудь, пробила сердце и легкие; он успел только сказать: «Возьмите!», ступил назад и пал. Вслед же за ним смертельно ранен майор Кандауров, тяжело подполковник Михайлов, пять обер-офицеров и множество нижних чинов.

Но смерть храброго полковника не могла остаться без места, завет его – без исполнения. Ожесточенные солдаты руками рвали сруб, лезли наверх, ломали кровлю и вломились, наконец, в укрепление, падали друг на друга; друзья и недруги – все смешалось... Когда ударили отбой, лишь одни трупы злодеев остались в Агач-Кале: там не было ни пленных, ни раненых. Темнота укрыла многих мятежников от гибели; они катком спустились с обрыва. На месте сражения осталось более ста пятидесяти тел и семьдесят лошадей. В числе убитых узнали татары лучших наездников и товарищей Кази-муллы. Взято два почетных знамени и одно Гамзат-бея; добыча в вещах и деньгах, в том числе в богатейших уборах кони Кази-муллы и Гамзата. Кази-мулла бежал так неожиданно и торопливо, что в пещерке, в которой он во время дела молился, нашли его Куран и другие духовные книги. Ковер, на котором сидел он, был залит кровью. Его полагали

ся о сражении у Чумкескента (у Марлинского – Чумкессен), свидетельствует, что писатель точно воспроизводил эпизоды боев и героический подвиг командира полка А. М. Миклашевского.

тогда раненым.

Мы стали почти на костях, как выражались наши предки. Дорога, но знаменита была победа. Мы потеряли более трехсот убитыми и ранеными, зато стяжали славу русскому оружию. Ни помощь природы, ни силы огражденного неприступностью человека не устояли перед храбростью русских, – а выгоды этого мнения в очах дикарей неопенимы. Перед нами, на окровавленном плаще, лежал труп убитого полковника, и как гордо, как прекрасно было его чело!.. Офицеры и солдаты рыдали. Татары плакали горькими слезами... Но воину ли жалеть о такой завидной смерти? Нам должно желать ее! Миклашевский пал, как жил, – героем! Наутро огонь и железо истребили гнездо злодеев. Окружный лес упал под топорами. Мы возвратились в свои квартиры и скоро разошлись на зимовки. Дагестанский поход кнчился.

Свершив, кинем взор на свершенное.

Покорив Дагестан, умирить его, упрочить его спокойствие было дело одного месяца. Не легкость дела, а здравость мер генерал-адъютанта Панкратьева была тому виною. Убеждениями своими произвел он то, что Кази-мулла, доселе всемогущий над умами горцев, превратился в разбойника, скитающегося в ущелиях Кавказа без приюта. Прежние последователи проклинали его, самые пылкие приверженцы с ним сражаются. Нелицеприятная справедливость с азиатцами и сохранение в русских войсках строгого порядка укрепили вновь доверие к русскому слову, привязанность к русскому

правительству. Не одна гроза, не одно оружие укротили силу, нет! Великодушные более еще победило сердца, – и по тому самому должно надеяться в Дагестане долгой, ненарушимой тишины.

В военном отношении можно ли было сделать более вреда неприятелю, добыть более славы русским с столь малыми средствами? Войска наши, всегда обеспеченные продовольствием, несмотря на осеннюю грязь, на зимние вьюги и снега глубокие, двигались с невероятною быстротою, поражали многочисленного неприятеля на каждой встрече. Счастливое соображение дювекского дела, где генерал-адъютант Панкратьев тройным нападением раздробил, развлек и по частям разбил табасаранцев, достойно изучения. Решительное до дерзости, но оправданное блестящим успехом, нападение на Эрпили, где битва решена, так сказать, одним взмахом меча, останется надолго в памяти горцев. Они были изумлены и уstraшены стройным развитием колонн, которые вдруг обошли, охватили, сняли их. Искусное расположение батарей под Чиркеем, покоренным русскому царю так быстро, так славно, и, наконец, взятие Чумкессена, богатое политическими последствиями, – все это отличает дагестанский поход в числе знаменитых событий царствования Николая! Он будет внесен в летописи военные яркими буквами; он поставит генерала Панкратьева в ряд лучших вождей и правителей нашего времени.

А.М.